

ISSN 2413-130X

Журнал основан в 2015 году.
Включает публикации по специальности
12.00.00 «Юридические науки»

ДИАЛОГ

научно-правовой
журнал

1

Март 2021
Издается 4 раза в год
www.npzhdialog.ru

8–22

**ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В СВЕТЕ
КАЗАХСТАНСКОГО,
РОССИЙСКОГО
И МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА**

23

***К вопросу об эффективности
противодействия использованию
беспилотных летательных
аппаратов для доставки
запрещенных предметов
на территорию учреждений
уголовно-исполнительной
системы Российской Федерации***

29

***Реабилитация инвалидов
с нарушениями опорно-
двигательной системы:
нормативное регулирование
обеспечения ТСП и право выбора
новых методов***

Nauchno-pravovoy zhurnal Dialog [Scientific and legal journal Dialog] is founded in 2015. The journal is included into the **Russian Science Citation Index**. It contains publications in the specialty 12.00.00 «Legal sciences». Published 4 times a year.

Главный редактор:

Кабилова Саодат Абдусатторовна — доцент кафедры юриспруденции Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (МИ ВлГУ), кандидат философских наук

Выпускающий редактор:

Асадов Раму Беюкханович — преподаватель кафедры юриспруденции МИ ВлГУ

Члены редакционной коллегии:

Бегалиев Ернар Нурланович — профессор кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, младший советник юстиции

Гирько Сергей Иванович — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Головкин Роман Борисович — профессор кафедры теории и истории государства и права ВлГУ, доктор юридических наук, профессор

Дахин Андрей Васильевич — заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), доктор философских наук, профессор

Залужный Александр Гаврилович — руководитель центра экспертных исследований РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор

Каткова Лариса Владимировна — заведующая кафедрой юриспруденции МИ ВлГУ, кандидат философских наук, доцент

Кобец Петр Николаевич — главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович — судья Верховного Суда РФ в отставке, доктор юридических наук, профессор

Коломытцев Николай Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Либанова Светлана Эдуардовна — профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Мекка Олег Алексеевич — доцент кафедры права и массовых коммуникаций МИ ВлГУ, кандидат философских наук, доцент

Одинцова Любовь Николаевна — доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Прись Игорь Евгеньевич — старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, доктор философии (Сорбонна)

Халин Алексей Алексеевич — заведующий кафедрой истории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС, доктор исторических наук, профессор

Чернышова Анна Владимировна — профессор кафедры истории государства и права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС, доктор исторических наук, профессор

Штыкова Наталья Николаевна — начальник научного отдела Санкт-Петербургского института — филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

Editor-in-chief:

Kabilova Saodat Abdusattorovna — associate professor of the department of law of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs (MI VISU), candidate of sciences (philosophy)

Commissioning editor:

Asadov Ramu Beyukkhonovich — lecturer of the department of law of MI VISU

Members of editorial board:

Begaliev Ernar Nurlanovich — professor of the department of special legal disciplines of Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, doctor of sciences (law), professor, honorary worker of education in the Republic of Kazakhstan, junior counselor of justice

Gir'ko Sergey Ivanovich — chief researcher of Federal penitentiary service of Russia scientific research institute, doctor of sciences (law), professor, honored worker of science of the Russian Federation

Golovkin Roman Borisovich — professor of the department of theory and history of state and law of VISU, doctor of sciences (law), professor

Dakhin Andrey Vasil'evich — head of the department of philosophy and political science of Nizhny Novgorod institute of management — branch of Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPa), doctor of sciences (philosophy), professor

Zaluzhnyy Aleksandr Gavrilovich — director of the center expert studies of RANEPa, doctor of sciences (law), professor

Katkova Larisa Vladimirovna — head of the department of law of MI VISU, candidate of sciences (philosophy), associate professor

Kobets Petr Nikolayevich — chief researcher of Russian research institute of Ministry of internal affairs of Russia, doctor of sciences (law), professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich — judge of the Supreme Court, retired, doctor of sciences (law), professor

Kolomyttsev Nikolay Alekseevich — doctor of sciences (law), professor, honoured lawyer of the Russian Federation

Libanova Svetlana Eduardovna — professor of the department of constitutional law of Ural State Law University, doctor of sciences (law), associate professor

Mekka Oleg Alekseevich — associate professor of the department of law and mass communications of MI VISU, candidate of sciences (philosophy), associate professor

Odintsova Lubov' Nikolaevna — associate professor of the department of penal law and criminology of Kuzbass Institute of the Federal penal service, candidate of sciences (law), associate professor

Pris' Igor' Evgen'evich — senior researcher of the Institute of philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, doctor of philosophy (PhD, Sorbonne)

Khalin Aleksey Alekseevich — head of the department of history of state and law of Nizhny Novgorod Institute of management — branch of RANEPa, doctor of sciences (history), professor

Chernyshova Anna Vladimirovna — professor of the department of history of state and law of Nizhny Novgorod Institute of management — branch of RANEPa, doctor of sciences (history), professor

Shtykova Natal'ya Nikolaevna — head of the research department of Saint Petersburg Institute — branch of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), candidate of sciences (law), associate professor

**АКТУАЛЬНЫЙ
ВОПРОС**

- 8** **Сарсембаев М. А.** Информационно-коммуникационные технологии в свете казахстанского, российского и международного права
- 23** **Колотушкин С. М.** К вопросу об эффективности противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

**ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО: ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА**

- 29** **Андрианова В. В., Асташкина М. А.** Реабилитация инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы: нормативное регулирование обеспечения ТСП и право выбора новых методов

**ГОСУДАРСТВО
И ПРАВО
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

- 36** **Жармагамбетова Д. А.** Депонирование показаний: сравнительно-правовой анализ оснований для проведения допроса свидетеля и потерпевшего следственным судьей в судебном заседании во время досудебного расследования по законодательству Республики Казахстан и Украины

**ТРИБУНА
МОЛОДОГО УЧЕНОГО**

- 44** **Володин К. А.** Значение принципов правопонимания для современного российского права
- 51** **Довнар А. Н., Андрианова В. В.** Право на манифестации: общие положения и проблематика ответственности
- 58** **Хасанов Э. Р.** Становление и развитие авторского и патентного права в Китае

ACTUAL QUESTION

- 8** **Sarsembayev M. A.** Information-communication technologies in the light of Kazakhstan, Russian and international law
- 23** **Kolotushkin S. M.** On the issue of the effectiveness of countering the use of unmanned aerial vehicles for the delivery of prohibited items to the territory of institutions of the penitentiary system of the Russian Federation

**STATE AND LAW:
THEORY & PRACTICE**

- 29** **Andrianova V. V., Astashkina M. A.** Rehabilitation of disabled people with disorders of the musculoskeletal system: normative regulation of providing assistive technology and the right to choose new methods

**STATE AND LAW
OF FOREIGN
COUNTRIES**

- 36** **Zharmagambetova D. A.** Deposition of testimonies: comparative legal analysis of the grounds for interrogation of the witness and the victim by the investigating judge in the court session during the pre-trial proceedings under the legislation of the Republic of Kazakhstan and Ukraine

**YOUNG
SCIENTIST'S FORUM**

- 44** **Volodin K. A.** The importance of the principles of legal understanding for modern Russian law
- 51** **Dovnar A. N., Andrianova V. V.** The right to manifest: general provisions and issues of responsibility
- 58** **Khasanov E. R.** Formation and development of copyright and patent law in China

УДК 341.64

Информационно-коммуникационные технологии в свете казахстанского, российского и международного права

Сарсембаев Марат Алдангорович, главный научный исследователь, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор

daneke@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу ряда аспектов информационно-коммуникационных технологий с точки зрения казахстанского права, российского права и общего для обеих стран международного права. Эта тема автором выбрана потому, что проблемы информационно-коммуникационных технологий являются актуальными и требуют оперативного решения, в том числе с помощью правовых средств. Автор приводит законодательные акты Казахстана и России по теме этих технологий и обосновывает необходимость разработки и принятия новых казахстанских и российских законодательных актов в этой же сфере. Автором данной статьи предпринята попытка предложить к разработке и принятию новых универсальных международных многосторонних конвенций, посредством которых нужно решать проблемы информационно-коммуникационных технологий и связанных с ними прав человека в масштабе мирового сообщества. **Ключевые слова:** информационно-коммуникационные технологии, Интернет, смартфон, мобильная связь, волоконно-оптический кабель, средства коммуникаций, информационно-коммуникационное право.

UDC 341.64

Information-communication technologies in the light of Kazakhstan, Russian and international law

Sarsembayev Marat Aldangorovich, chief scientific researcher, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, doctor of sciences (law), professor

daneker@mail.ru

Annotation: This article is devoted to the analysis of a number of aspects of information and communication technologies from the point of view of Kazakh law, Russian law and international law common to both countries. This topic was chosen by the author because the problems of information and communication technologies are relevant and require prompt solutions, including through legal means. The author cites the legislative acts of Kazakhstan and Russia on the topic of these technologies and justifies the need to develop and adopt new Kazakh and Russian legislative acts in the same area. The author of this article attempts to propose the development and adoption of new universal international multilateral conventions, through which it is necessary to solve the problems of information and communication technologies and related human rights on the scale of the world community. **Keywords:** information and communication technologies, Internet, smartphone, mobile communication, fiber-optic cable, means of communication, information and communication law.

Введение. Вносящих серьезный вклад в развитие трендов информационно-коммуни-

кационных технологий на планете немного: примерно 17–18 стран. Первые места в мировом

ранжированном рейтинге информационных технологий из 176 стран по последним данным 2017 года заняли Исландия, Южная Корея, Швейцария.

Исландии присудили первое место в мировом рейтинге потому, что она обладает превосходным Интернетом. К тому же это островное государство имеет громадное количество волоконно-оптических кабелей на каждую душу исландского населения. 78 процентов исландских домохозяйств входят в сеть Интернет. Каждому исландцу предоставлен доступ к трем сетям высоких технологий. Исландцы так умеют оперативно и грамотно работать с компьютером, что смогли достичь автоматизированных навыков программирования, их знания, умения и навыки в сфере компьютерного дела оценивают как самые высокие в Европе.

Занимающая второе место в мировом рейтинге Южная Корея, представляет собой государство, народ которого в совокупности является чрезвычайно продвинутым в сфере использования Интернета и огромного числа смартфонов. Количество собственников мобильных телефонов составляет 94 процента от всей численности населения данной республики. Интернет в Республике Корея является практически самым быстрым на планете. Более того, телекоммуникационные компании страны планируют еще больше увеличить скорость Интернета.

Третье место в данном мировом рейтинге отведено Швейцарии. Сравнительно недавно коммуникационные компании этой страны заплатили 380 миллионов швейцарских франков

за получение доступа к мегагерцовым частотам в целях обеспечения связи в режиме 5G. К тому же в этой стране планируют создать 6G-сети. Это станет рекордным достижением, но предварительно надо исследовать, насколько эти высокие частоты безопасны для населения и окружающей человека среды.

Хотя Япония не входит в состав тройки самых продвинутых стран, тем не менее она входит в десятку лучших государств в мире по вопросам информационно-коммуникационных технологий. В 2019 году было отмечено, что эта страна стала самой ведущей страной в вопросах информационных технологий. По численности интернет-кабелей на душу населения Японии удалось выйти на третье место в мире. Согласно утверждениям экспертов Союза электросвязи, рядовой японец умеет так быстро решать возникающие в мировой Интернет-паутине проблемы, что по этому показателю обходит среднестатистического жителя стран Европы. Кроме того, в программировании японцам практически нет равных, но они несколько уступают жителям Люксембурга и Объединенных Арабских Эмиратов [1].

Нам, конечно, интересно узнать, каковы показатели по исследуемым вопросам у стран СНГ, в том числе России и Казахстана. Среди стран Содружества Россия занимает второе место (в мировом рейтинге — 45 место с 7,07 балла), Казахстан идет на третьем месте (в рейтинге — 52 место с 6,79 балла). Первое место принадлежит Республике Беларусь (в мировом рейтинге ей отвели 32 место, присудив 7,55 балла). Остальные страны СНГ

расположились в следующей последовательности: Молдова — 59 место (6,45 балла), Азербайджан — 65 (6,20), Армения — 75 (5,76), Украина — 79 (5,62), Узбекистан — 95 (4,90), Кыргызстан — 109 место (4,37). Таджикистана и Туркменистана в рейтинге нет. Из всех постсоветских государств лучшим в информационно-коммуникационных технологиях зарекомендовала себя Эстония, которая находится в этом рейтинге на 17 месте сразу после США и которая обошла Сингапур, Австрию, Финляндию, Израиль, Бельгию, Канаду (вот вам якобы медлительные эстонские парни) [2]. Нам, специалистам из стран СНГ, следует поучиться в Эстонии этому делу на всем нам доступном и понятном русском языке.

В настоящее время в мире информационно-коммуникационным технологиям принадлежит весомая роль в развитии экономики, управления, науки, культуры, так как они представляют собой процессы и методы взаимодействия с информацией, которые применяются посредством устройств вычислительной техники, к которым относятся компьютеры, а также средства коммуникаций. Следует отметить, что не менее 40 процентов населения планеты имеют доступ к Интернету как глобальной информационной сети, а каждый 7 из 10 домохозяйств обладает мобильным телефоном с выходом в эту сеть. 4,8 миллиарда человек ежедневно используют Интернет. Не менее 98 процентов людей от всей численности населения Дании, Исландии, Катара и Кувейта имеют Интернет. 306,4 миллиарда электронных писем находят своих адресатов каждый день. Благодаря цифровым информа-

ционным технологиям граждане, представители бизнеса получили прямой доступ к государственным услугам, имеют возможность более ускоренного обмена информацией, а также возможность создания новых цифровых информационно-коммуникационных продуктов. Электронные носители информации заменяют бумажный документооборот. Безбумажный документооборот сегодня активно внедрен в образовательной сфере (в том числе вследствие пандемии), в транспортной, таможенной, налоговой и иных сферах.

Аспекты информационно-коммуникационных технологий в казахстанском и российском праве и совершенствование законодательства в обеих странах. В казахстанском законодательстве есть достаточно широкие гарантии доступности граждан к информации. Так, в законе Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года «О доступе к информации» содержится норма о прозрачности информации по многим направлениям деятельности как центральных, так и местных государственных органов. Было бы желательно, чтобы казахстанские государственные органы чаще обновляли информацию о своей деятельности на своих интернет-ресурсах. При осуществлении механизмов защиты прав человека особую роль обретают информационные технологии, в том числе онлайн-петиции. Существенный интерес представляет статья 4 Федерального закона России от 9 февраля 2009 года N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в котором достаточно

четко сформулированы, в частности, такие принципы обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов, как: «открытость и доступность информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом»; «свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления любым законным способом».

Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 года N 2036-р, предусматривая состояние и перспективы направления отраслей информационных технологий, обозначила роль информационных технологий в экономике государства, определила цели, задачи, принципы отрасли информационных технологий, указала направления международного сотрудничества в этой сфере, сформулировала ожидаемые результаты реализации этого стратегического документа [3]. В Казахстане действовала Программа «Информационный Казахстан-2020», которая в целом была реализована, но, к сожалению, не была принята новая программа или стратегия по вопросам развития информационно-коммуникационных технологий на перспективу. Было бы целесообразно разработать новый стратегический документ, в котором могли бы найти отражение идеи тех или иных положений

российской Стратегии развития отрасли информационных технологий.

В России предпринята попытка формулирования Концепции развития законодательства в области разработки и применения информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации, в которой определены задачи Концепции, состояние правового регулирования как разработки, так и применения информационно-коммуникационных технологий в России, определены принципы, механизмы правового регулирования, стратегическое направление правового регулирования этих технологий, сформулированы направления совершенствования законодательства в сфере разработки, принятия и применения информационных технологий на всей территории России, приведены названия законодательных и иных нормативных актов, которые необходимо разработать и принять, а также акты об информации и коммуникациях, подлежащие изменению и (или) отмене. Посредством такой Концепции целесообразно разработать и обсудить проекты необходимых законов, нормативных правовых актов, имеющих отношение к информационно-коммуникационным технологиям в целях их принятия российским законодателем [4]. Аналогичную Концепцию по информационно-коммуникационным технологиям могли бы разработать ученые-юристы Казахстана.

Новое образование в наших странах должно быть нацелено на обретение умений и навыков в процессе творческого анализа информации и развития креативного мышления. В частности, следует делать более насыщенным

содержание программ учебных заведений таких учебных предметов, как: «*Основы программирования*», «*Информатика в профессиональной деятельности*», «*Информационно-коммуникационные технологии*» по всем специальностям. Причем наши преподаватели должны научить учащихся и студентов автоматическому печатанию на клавиатуре компьютера на русском и английском языках, умению составлять творческие программы, оперативно выявлять и нейтрализовывать электронные «вирусы», быстро блокировать действия хакеров и обнаруживать их, четко лавировать в Интернет-сети, моментально решать возникшие электронно-компьютерные проблемы. Учебные заведения наших стран всем учащимся и студентам должны обеспечивать более широкие информационно-коммуникационные условия для реализации ими своего права на образование. Этому может, в частности, содействовать учебник проф. О. П. Новожилова «Информатика», где четко расписаны понятия компьютерных сетей, программного обеспечения, компьютерного моделирования устройств цифровой обработки информации [5, с. 83, 144, 252–257]. В этой связи необходимо ввести в качестве отдельных разделов «*О совершенствовании качества преподавания предметов по информатике и программированию*» и «*О временном и постоянном дистанционном обучении*» в тексты законов об образовании: в Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года «Об образовании», в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Концепция кибербезопасности (Кибершит Казахстана), утвержденная правительственным постановлением Республики Казахстан от 30 июня 2017 года как акт «мягкого права», говорит о необходимости установления и обеспечения реальной кибербезопасности. Под кибербезопасностью понимается совокупность методов и практических мер по защите компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных систем, цифровизированных сетей и различных данных от атак злоумышленников, хакеров, кракеров (взломщиков сайтов). Более подробно о кибербезопасности можно узнать в исследованиях А. А. Внукова [6, с. 20–21], С. Смита [7, р. 71], Д. У. Хаббарда [8, р. 7–9].

Здесь следует подчеркнуть, что ежедневно фиксируются и отражаются миллионы хакерских атак в Интернете. Ежедневному взлому подвергаются не менее 30 тысяч веб-сайтов. В этой связи необходимо осуществление ответных мероприятий в целях обеспечения компьютерной безопасности государственных органов, юридических и физических лиц. В России Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации существует пока в проектом формате. Желательно как можно скорее обсудить и принять Стратегию кибербезопасности России, что особенно важно в нынешнее время.

В наших странах сравнительно немного вузов, в которых готовят выпускников, которые специализируются в вопросах обеспечения и укрепления компьютерной безопасности. В Казахстане, например, надо создавать дополнительные организационно-правовые и

управленческие механизмы, с помощью которых можно решать проблемы кибербезопасности. Государства для успешной борьбы с преступлениями в Интернете могли бы увеличить количество вузов по подготовке специалистов по кибербезопасности. Каждая страна могла бы формировать высококвалифицированные отряды киберполицейских, которые могли бы отслеживать и привлекать к ответственности хакеров всех мастей, кибермошенников и воров, развратителей, специализирующихся в сфере проституции и порнографии, в том числе детской проституции и порнографии, лиц, совершающих самые разные преступления с помощью информационно-коммуникационных технологий.

В Интернете члены мирового сообщества, в том числе Россия и Казахстан, должны по максимуму создавать и обеспечивать условия людям, гражданам всех стран для реализации их права на свободу слова, свободу выражения мнений, права на распространение практически любой информации. Вместе с тем есть определенные виды информации, которые не могут быть распространены в Интернете: это — пропаганда межличностной ненависти, пропаганда войны, призывы к свержению существующего в стране государственного строя, пропаганда наркотических и психотропных веществ, пропаганда аморальных, преступных действий и некоторые другие категории информации. Поэтому государства должны противостоять таким действиям и пропаганде как внутри страны, так и посредством объединения своих усилий на международном уровне [9; 10, с. 78–80].

Юридической основой имплементации информационных концептуальных и стратегических программ, конституционных положений России и Казахстана по вопросам информационной безопасности и информационно-коммуникационных технологий стали нижеследующие законы: Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года «Об информатизации», Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ; Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Федеральный закон от 10 января 2002 года N 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»; Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года «О персональных данных и их защите», Федеральный закон от 27 июля 2006 года N 152-ФЗ «О персональных данных»; Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года «О доступе к информации», Федеральный закон от 9 февраля 2009 года N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года «О связи», Федеральный закон от 7 июля 2003 года N 126-ФЗ «О связи»; Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года «О национальной безопасности Республики Казахстан», Федеральный закон от 28 декабря 2010 года N 390-ФЗ «О безопасности»; Закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 года «О противодействии терроризму», Федеральный закон от 6 марта

2006 года N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [11, с. 297–298; 12, с. 31–32, 156, 431]. В России приняты Федеральный закон от 22 декабря 2008 года N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Федеральный закон от 29 декабря 2010 года N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Казахстану целесообразно присмотреться к этим российским законам на предмет возможного их заимствования казахстанским законодателем.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит в себе раздел 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», в котором предусмотрен целый ряд статей, устанавливающих уголовную ответственность за те или иные виды компьютерных преступлений. В Уголовном кодексе Республики Казахстан есть отдельная глава со статьями о наказании преступлений, которые могут совершаться в сфере информатизации и связи. За совершение виновными лицами десятков преступлений против электронных информационных ресурсов и систем или сетей телекоммуникаций предусматривается уголовная ответственность. В Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях, а также в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях имеются составы административных правонарушений в связи с нарушением требований по эксплуатации средств защиты электронных информационных ресурсов, невыполнением Единых требований, неосуществлением или ненадлежащим осуществлением собствен-

ником или владельцем информационных систем, содержащих персональные данные, нарушением правил защиты информации, незаконной деятельностью в области защиты информации, разглашения информации с ограниченным доступом, неисполнением оператором связи, оказывающим услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», за совершение которых предусмотрены меры административной ответственности. Благодаря приведенным выше законам и кодексам нашим странам удастся в определенной мере урегулировать вопросы и проблемы информационно-коммуникационных технологий. В порядке совершенствования этого законодательства было бы желательно разработать и принять внутри наших стран новые законы на темы: «Об ответственности за несоблюдение и ненадлежащее соблюдение прав и свобод человека и гражданина, реализуемых в формате офлайн и онлайн», «О соблюдении прав человека, граждан (Республики Казахстан, Российской Федерации) в Интернете, в цифровизированном формате», «О механизме оказания скорой электронной информационно-коммуникационной помощи».

Киберпространство — под защиту международного права. В рамках ООН приняты такие международные документы, как: *Глобальная программа кибербезопасности специализированного учреждения ООН Международного союза электросвязи, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших*

информационных инфраструктур» и другие более 30 резолютивных и организационных документов ООН. В этих документах закреплена необходимость безопасного применения информационно-коммуникационных технологий для обеспечения «неприкосновенности частной жизни, конфиденциальности, целостности и доступности информации в электронной форме», «защиты критической информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также Интернета (доступно на: <http://iisc.kz>). Эти источники имеют рекомендательный характер. Вместе с тем их значимость состоит в том, что они определяют общее международно-политическое направление движения в отношении понимания цифровизированных прав человека, становятся логической основой элементов содержания будущих юридически обязательных международных конвенций, соглашений на эту же тему.

Международно-правовые документы в виде *Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды*, (Орхусской конвенции) от 25 июня 1998 года (Казахстан ратифицировал эту Конвенцию на основании своего Закона от 23 октября 2000 года), *Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации* от 23 ноября 2001 года, *Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных* от 28 января 1981 года (Россия — участница данной Конвенции), *Конвенции об информаци-*

онном и правовом сотрудничестве, касающемся «услуг информационного общества» от 4 октября 2001 года, *Конвенции Совета Европы по киберпреступности* от 23 декабря 2001 года, *Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации* от 1 июня 2001 года, *Соглашения между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности* от 16 июня 2009 года призваны защищать соответствующие аспекты информационно-цифровизированных прав человека. Аналитическая проработка приведенных источников международного информационно-коммуникационного права дана в научных исследованиях Р. Бахана, Н. Цагоуриса [13], А. А. Данельяна, Е. Е. Гуляева [14, с. 44–45], Т. М. Смысловой [15, с. 20, 23, 45, 50], в работе ООН о киберпреступности [16, с. 4, 16–18], в коллективной монографии ученых Кембриджского университета о кибероперациях в международном праве [17, р. 193–194, 343].

Как видим, Казахстан является официальным участником Орхусской конвенции, Российская Федерация стала участницей Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, и оба наших государства приняли на себя обязательства, вытекающие из Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями

в сфере компьютерной информации и Соглашения ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. При этом возникает вопрос, почему Россия и Казахстан не являются участниками других европейских конвенций по информационно-коммуникационным, компьютерным вопросам.

Исходя из положений Окинавской хартии глобального информационного общества 2000 года, Декларации принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии», а также Совместного заявления стран СНГ по развитию информационного общества (Санкт-Петербургской декларации) 2003 года Россия и Казахстан могли бы решить для себя вопрос о возможном присоединении к Конвенции об информационном и правовом сотрудничестве, касающемся «услуг информационного общества». В русле этой идеи есть смысл поддержать предложение авторов исследования «Международное информационное право»: «Представляется, что в развитие статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года применительно к развитию информационного общества необходимо принять конвенцию о всеобщем доступе к ИКТ (информационно-коммуникационным технологиям). В конвенции следует предусмотреть как общее правило доступа, так и категории бесплатной информации, а также категории социально уязвимых лиц, которым должен предоставляться бесплатный доступ» (доступно на: <https://be5.biz>).

Российская Федерация решила пока не

присоединиться к *Конвенции Совета Европы по киберпреступности* от 23 декабря 2001 года. Она примет решение о присоединении к данной Конвенции, если будут пересмотрены положения пункта «b» статьи 32 данного международно-правового документа. В нынешнем виде эти положения Конвенции «могут причинить ущерб суверенитету и безопасности государств-участников Конвенции и правам их граждан». Из данного пункта вытекает, что «Сторона может без согласия другой стороны получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получить их». А это Россию не устраивает. Нужно исходить из того, что киберпреступления в целом ряде стран наносят ущерб в миллиардах долларов имущественным интересам граждан, корпораций и государств. Поэтому возникшую правовую ситуацию можно разрешить следующим образом. Россия может воспользоваться статьей 42 Конвенции, которая дает ей право на оговорку. С помощью этого международно-правового института Россия могла бы заявить о том, что она оговаривает свое нежелание брать на себя обязательства пункта «b» статьи 32, остальные статьи, считая их правомерными, согласна ратифицировать Конвенцию. Затем, став официальным участником Конвенции, Россия могла бы поставить вопрос о корректировке положений пункта «b» статьи 32 Конвенции. Надо полагать, что эти подходы известны российским юристам: здесь скорее всего примешиваются политические отношения.

Поскольку Казахстан не является членом Совета Европы, ему гораздо сложнее рассчитывать на вхождение в число участников европейских конвенций. В этой связи Казахстан хотел бы надеяться на помощь России в решении вопроса о присоединении к европейским конвенциям, поскольку Россия является официальным членом Совета Европы. Казахстан и Россия могли бы разработать и принять для себя внутренние законы, исходя из тематики и содержания приведенных выше международно-правовых документов.

Если наши малые дети и подростки информационно-коммуникационным технологиям обучаются в учебных заведениях, то все взрослое население должно быть охвачено обучением этим технологиям по месту работы и по месту жительства. В этой связи в каждой стране, в том числе Казахстане, России может быть принят закон «Об информационно-технологическом, информационно-коммуникационном обучении (ликбезе) всего населения, о доведении компьютерных знаний, умений и навыков до совершенства», под реализацию которого из государственного бюджета должны выделяться солидные финансовые средства. Это нужно прежде всего для того, чтобы каждый гражданин мог тем самым повышать свой профессионализм на своем рабочем месте, мог бы на равных конкурировать в вопросах компьютерной грамоты с гражданами, предпринимателями развитых государств, сотрудничать с ними, чтобы он не становился жертвой электронных мошенников, чтобы мог грамотно проконтролировать своих детей, защитить их от лиц, подталкива-

ющих их к самоубийству в Интернете, от буллинга (электронной травли) и так далее [18].

Принятие новых универсальных конвенций для решения возникающих проблем информационно-коммуникационных технологий и связанных с ними прав человека. Международно-политическую и международно-правовую основу цифровизированных прав человека составляют следующие две группы источников: а) резолюции органов ООН, документы Венецианской комиссии и б) международно-правовые акты — конвенции и соглашения на тему о цифровизированно-информационной основе прав и свобод человека. К первой группе можно отнести резолюцию Совета ООН по правам человека 2012 года о защите свободы слова во всемирной сети, в которой подчеркивается: «Те же права, которые человек имеет в офлайн-среде» на основе статей Международного пакта о гражданских и политических правах и иных актов о правах человека, «должны также защищаться и в онлайн-среде, в частности, право на свободу выражения мнений», «независимо от границ и для любых выбираемых человеком средств массовой информации». В этой связи нужно разработать и принять новый универсальный международно-правовой акт — конвенцию: «Об обеспечении международной защиты всех прав человека, закрепленных в вошедших в силу письменных международных документах, используемых в Интернете, на иных информационно-коммуникационных носителях».

Информация, используемая во благо людей, стран, человечества подлежит распро-

странению, а информация, идущая во вред, должна быть под запретом. Но вредная информация должна быть четко определена и сформулирована как во внутригосударственном законе, так и в международном праве. Международно-правовой механизм может стать таким. Государства в универсальной международной конвенции могли бы прописать и взять на себя обязательства по обеспечению регистрации и лицензирования деятельности всех собственников компьютерных серверов, возложить на них ответственность (вплоть до уголовной) за распространение закреплённой в законе вредоносной информации, за предоставление разрешения на такое распространение, оказывать содействие отечественной и международной полиции при нарушении норм данной конвенции. Можно предложить от имени наших стран, чтобы государства-члены Интерпола могли в порядке дополнения предусмотреть в этой организации еще одну, информационно-коммуникационную, функцию по борьбе с международной преступностью в Интернете. С учетом этих соображений было бы целесообразно разработать и принять новые универсальные международные конвенции под примерно такими названиями, как: *«О привлечении к национальной и международной уголовной ответственности лиц, совершающих преступления в информационно-коммуникационной среде, в Интернете»*, *«О регистрации, лицензировании собственников компьютерных серверов во всех странах, об их ответственности за оказание содействия, за распространение закреплённой в законе вредоносной информации в Интернете»*.

Примеры нарушения свободы слова, свободы выражения мнений, свободы доступа к информации в отношении действовавшего президента США и его многомиллионных сторонников в период избирательной кампании 2020 и начала 2021 года заставляют призадуматься о месте и роли руководителей социальных сетей, в том числе «Твиттер», «Фейсбук», и иных информационно-коммуникационных компаний и объединений. В этой связи на внутригосударственном уровне необходимо установить, усилить ответственность в отношении руководителей информационно-коммуникационных компаний, нарушающих фундаментальные информационные и иные права человека. На международно-правовом уровне название конвенции по данной теме могло бы выглядеть так: *«Об установлении международной правовой, имущественной, финансовой ответственности информационно-коммуникационных корпораций и компаний, их руководителей за нарушение фундаментальных и иных прав человека в онлайн и офлайн режимах»*. В западных странах, как известно, возможно привлечение к уголовной ответственности и юридических лиц.

Все эти предложения могут стать основой как отдельных конвенций, так и разделов, статей конвенций более универсального характера. Кроме того, считаю целесообразным поддержать российский вариант Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, опубликованной 22 сентября 2011 года, а также разработанную в рамках ООН Концепцию конвенции о безопасном функционировании и развитии сети

Интернет, обсудить содержание текстов этих документов на двустороннем и региональном

уровнях в целях их возможного совершенствования и принятия в перспективе.

Примечания

1. URL: <https://basetop.ru> (дата обращения: 24.01.2021).

2. Более подробно см.: Рейтинг стран мира по уровню развития информационно-коммуникационных технологий. URL: <https://gtmarket.ru> (дата обращения: 25.01.2021).

3. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года. URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 26.01.2021).

4. URL: <https://nisse.ru> (дата обращения: 26.01.2021).

5. Новожилов О. П. Информатика: учебник в 2 частях. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. Ч. 2. 302 с.; а также: Набиуллина С. Н. Информатика и ИКТ: курс лекций. Москва: Лань, 2019. 72 с.; Астафьева Н. Е. Информатика и ИКТ: практикум для профессий и специальностей технического и социально-экономического профилей. Москва: Academia, 2019. 384 с.

6. Внуков А. А. Основы информационной безопасности: защита информации: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 240 с.

Notes (transliteration)

1. URL: <https://basetop.ru> (date of application: 24.01.2021) (in Russ.).

2. URL: <https://gtmarket.ru> (date of application: 25.01.2021) (in Russ.).

3. URL: <https://digital.gov.ru> (date of application: 26.01.2021) (in Russ.).

4. URL: <https://nisse.ru> (date of application: 26.01.2021) (in Russ.).

5. Novozhilov O. P. Informatika. Moscow: *Yurayt*, 2020, part 2, 302 p. (in Russ.); Nabiullina S. N. Informatika i IKT. Moscow: *Lan'*, 2019, 72 p. (in Russ.); Astaf'yeva N. E. Informatika i IKT. Moscow: *Academia*, 2019, 384 p. (in Russ.).

6. Vnukov A. A. *Osnovy informatsionnoy bezopasnosti: zashchita informatsii*. Moscow: *Yurayt*, 2020, 240 p. (in Russ.).

7. Smith S. *The Internet of Risky Things: Trusting the Devices That Surround Us*. Sebastopol (CA, USA): O'Reilly Media, 2017, 240 p.

8. Hubbard D. W., Geer Jr., Daniel E. *Praise for How to Measure Anything in Cybersecurity Risk*. Hoboken (NJ, USA): Wiley, 2016, 304 p.

9. URL: <https://www.gazeta.ru> (date of application: 26.01.2021) (in Russ.).

10. *Tendentsii razvitiya interneta v Rossii i zarubezhnykh stranakh* / G. I. Abdrakhmanova,

7. Smith S. *The Internet of Risky Things: Trusting the Devices That Surround Us*. Sebastopol (CA, USA): O'Reilly Media, 2017. 240 p.
8. Hubbard D. W., Geer Jr., Daniel E. *Praise for How to Measure Anything in Cybersecurity Risk*. Hoboken (NJ, USA): Wiley, 2016. 304 p.
9. Герасюкова М. Какие законы об интернете вступят в силу в 2021 году. Социальные сети и блокировка. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 26.01.2021).
10. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, О. Е. Баскакова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; Координационный центр национального домена сети Интернет, НИУ ВШЭ. Москва: НИУ ВШЭ, 2020. 144 с.
11. Информационно-коммуникационные технологии: учебник. Алматы, 2017. 559 с.
12. Федотов М. А. Информационное право: учебник. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 497 с.
13. Buchan R., Tsagourias N. *Research Handbook on International Law and Cyberspace*. Cheltenham (United Kingdom): Edward Elgar Publishing, 2015. 560 p.
14. Данельян А. А., Гуляева Е. Е. Международно-правовые аспекты кибербезопасности // Московский журнал международного права. 2020. N 1. С. 44–53.
15. Смыслова Т. М. Международное информационное право. Москва, 2002. 192 с.
16. Киберпреступность. Модуль 3. Правовая база и права человека. Вена: Организация Объединенных Наций, 2019. 46 с.
- О. Е. Баскакова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг et al. Moscow: *NIU VShE*, 2020, 144 p. (in Russ.).
11. *Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii*. Almaty, 2017, 559 p. (in Russ.).
12. Fedotov M. A. *Informatsionnoye pravo*. Moscow: *Yurayt*, 2019, 497 p. (in Russ.).
13. Buchan R., Tsagourias N. *Research Handbook on International Law and Cyberspace*. Cheltenham (United Kingdom): Edward Elgar Publishing, 2015, 560 p.
14. Danel'yan A. A., Gulyayeva E. E. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2020, no. 1, pp. 44–53 (in Russ.).
15. Smyslova T. M. *Mezhdunarodnoye informatsionnoye pravo*. Moscow, 2002, 192 p. (in Russ.).
16. *Cybercrime. Module 3. Legal Frameworks and Human Rights*. Vienna: United Nations, 2019, 46 p. (in Russ.).
17. *Cyber Operations and International Law*. Cambridge (United Kingdom): Cambridge University Press, 2020, 522 p.
18. Shmeleva A. G., Ladynin A. I. *Informatika. Informatsionnyye tekhnologii v professional'noy deyatel'nosti: Microsoft Word. Microsoft Excel: teoriya i primeneniye dlya resheniya professional'nykh zadach*. Moscow, 2020, 304 p. (in Russ.).

17. Cyber Operations and International Law. Cambridge (United Kingdom): Cambridge University Press, 2020. 522 p.

18. Подробнее см.: Шмелева А. Г., Ладынин А. И. Информатика. Информационные технологии в профессиональной деятельности: Microsoft Word. Microsoft Excel: теория и применение для решения профессиональных задач. Москва, 2020. 304 с.

УДК 343.8

К вопросу об эффективности противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

Колотушкин Сергей Михайлович, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

kolotushkinsm@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы оценки эффективности тактико-технических решений по недопущению доставки запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при помощи беспилотных летательных аппаратов. В качестве показателя эффективности была принята стоимость выполнения задачи. Задача формулировалась как гарантированное недопущение полетов беспилотных летательных аппаратов над территориями следственных изоляторов, тюрем, колоний и других объектов. В ходе проведенных теоретических и экспериментальных исследований были обоснованы концептуальные подходы в решении выделенной проблемы, определены рациональные характеристики и режимы работы комплексов по противодействию полетам беспилотных летательных аппаратов над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. **Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, беспилотные летательные аппараты, запрещенные предметы, эффективность противодействия.

UDC 343.8

On the issue of the effectiveness of countering the use of unmanned aerial vehicles for the delivery of prohibited items to the territory of institutions of the penitentiary system of the Russian Federation

Kolotushkin Sergey Mikhaylovich, chief researcher, Scientific Research Institute of the Federal penitentiary service of Russia, doctor of sciences (law), professor, honored worker of science of the Russian Federation

kolotushkinsm@mail.ru

Annotation: The article deals with the issues of evaluating the effectiveness of tactical and technical solutions to prevent the delivery of prohibited items to the territory of institutions of the criminal Executive system of the Russian Federation using unmanned aerial vehicles. The cost of completing the task was taken as an efficiency indicator. The task was formulated as a guaranteed prevention of flights of unmanned aerial vehicles over the territories of pre-trial detention centers, prisons, colonies and other facilities. In the course of theoretical and experimental studies, conceptual approaches to solving the identified problem were substantiated, and rational characteristics and modes of operation of complexes for countering the flights of unmanned aerial vehicles over the territories of institutions of the penal system of the Russian Federation were determined. **Keywords:** penal enforcement system, unmanned aerial vehicles, prohibited items, effectiveness of counteraction.

Известно, что в настоящее время одной из проблем уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС) является недопущение доставки запрещенных предметов на территорию ее учреждений с помощью беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА) [1, с. 3]. Следует признать, что развитие беспилотной летательной техники во всем мире имеет масштабный и прогрессирующий характер, по подсчетам аналитиков, в 2019 году объем рынка коммерческих беспилотников составлял \$ 4 млрд, а в ближайшие пять лет он вырастет в десять раз, до \$ 40 млрд [2].

В России БПЛА массой до 0,25 кг имеют свободный оборот и не требуют никакой регистрации, БПЛА массой от 0,25 до 30 кг продаются свободно, но требуют некоторой регистрации и получения разрешений на полеты [3]. Здесь важно отметить, что регламенты регистрации БПЛА гражданского назначения и получения разрешений на полеты имеют уведомительный характер, что приводит к тому, что большинство владельцев БПЛА уходят в «тень», аппараты не регистрируют, полеты совершаются несанкционированно. Летно-технические характеристики БПЛА гражданского сектора имеют высокие показатели: дальность полета до 5 км, время полета 0,5 ч., скорость до 60 км/ч, высота полета — до 3 км, масса переносимого груза — до 1 кг. Все это обуславливает применение БПЛА для доставки запрещенных предметов на территорию учреждений УИС. Проведенные нами исследования показали, что БПЛА, как правило, используются для

доставки средств мобильной связи (92 %) и наркотических средств (8 %).

Проведенные в ФКУ НИИ ФСИН России (далее — Институт) научно-исследовательские работы позволили изучить тактику применения БПЛА для доставки запрещенных предметов на территории учреждений УИС. Во-первых, перед заброской груза изучается местность, прилегающая к территории учреждения, для запуска БПЛА выбирается участки дорожной сети (чаще перекрестки), позволяющие в случае угрозы быстро покинуть на автомобиле место запуска БПЛА. Для подобного анализа могут использоваться различные интернет-приложения со снимками местности, произведенными из космоса.

Во-вторых, изучается место сброса груза, оно должно обладать определенными свойствами, прежде всего, маскировкой сброшенного груза после его падения на грунт и доступом к месту сброса осужденных. Груз имеет противоударную упаковку, сверху покрытую липким составом, например, двойным скотчем или клеевым составом без затвердителя (имели место случаи, когда поверхность упаковки груза была покрыта сгущенным молоком). При падении груза в районе пилорамы, маскировка достигается за счет налипания на его поверхность мелких опилок и стружки. В ИК-9 УФСИН России по Курской области были случаи применения БПЛА над территорией учреждения в районе подсобного хозяйства домашней птицы, где сброшенный груз маскировался за счет прилипания пуха и перьев, находящихся на поверхности грунта. В-третьих, место и время сброса, как

правило, согласуется по телефонам мобильной связи.

Проведенные исследования показали, что до 90 % сбросов осуществляется в ночное время, когда БПЛА в ночном небе не виден, а территория учреждения хорошо освещена, что позволяет оператору точно выводить аппарат в нужную точку. Проведенные ФКУ НИИ ФСИН России эксперименты показали, что ночью БПЛА не виден уже с высоты 12 м, шум винтов не слышен с высоты выше 70 м. Точность сброса характеризуется дальностью отклонения точки падения от точки прицеливания при зависании БПЛА на 10–15 сек. над целью. Так, отклонение компактного груза — свертка из пяти сотовых телефонов размером 120 x 70 x 54 мм, массой 480 г при его сбросе с высоты 80 м составило 0,6 м, с высоты 200 м — 2,7 м. Таким образом, БПЛА является эффективным средством доставки запрещенных предметов на территории учреждений УИС.

Говоря об оценке эффективности противодействия использованию беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов на территорию учреждений, необходимо выделить определенные условия и ограничения. Кроме главного показателя эффективности — стоимости решения задачи, были учтены такие параметры как безопасность системы для здоровья людей, негативное воздействие на окружающую электромагнитную обстановку, скорость, простота развертывания и автоматический режим работы системы, стоимость ее обслуживания, условия гарантийного ремонта, а также перспективы модернизации. В на-

стоящее время стоимость одного комплекса противодействия БПЛА на основе радиоэлектронного воздействия на канал управления и спутниковой навигации летательного аппарата составляет около 0,6 млн руб., в то время как альтернативные системы, где используются технологии радиолокационного и оптического обнаружения БПЛА, лазерного и импульсного электромагнитного воздействия на элементы конструкции летательного аппарата, стоят от 2 до 18 млн руб. При выборе эффективных методов противодействия полетам БПЛА необходимо было четко сформулировать задачу, рассматривалось три варианта. Первый — сбивать БПЛА над территорией учреждения. Под понятием «сбивать» рассматривалось одновременное радиоподавление канала управления БПЛА и канала спутниковой навигации, что приводило к зависанию летательного аппарата на месте как по высоте, так и направлению полета. При разрядении источника тока до 10 % его емкости, БПЛА совершает аварийную посадку путем плавного вертикального снижения. Данный вариант имел существенный недостаток — БПЛА приземлялся или падал (при задевании проводов, антенн и иных преград) вместе с грузом на территории учреждения УИС. Осужденные, используя куски арматуры и другие средства блокировали двери между отдельными зонами отрядов и промышленных объектов, подбирали упавший груз и принимали усилия для его сокрытия и маскировки.

Второй вариант — сбивать БПЛА на подлете к периметру ограждения учреждения УИС. Этот вариант также имеет недостаток, он ка-

сается гражданско-правовой сферы, когда владелец БПЛА понесет ущерб в случае аварийной потери дорогостоящей техники из-за поставленных радиопомех. Примером может служить случай, который произошел в районе следственного изолятора г. Казани, где проходил в течение 6 мес. опытную эксплуатацию комплекс «Стриж», предназначенный для противодействия полетам БПЛА. Подроскок управлял БПЛА, не зная, что рядом находится следственный изолятор. Летательный аппарат разбился на расстоянии 370 м от периметра ограждения следственного изолятора, что вызвало критику в адрес УИС.

В результате комплексного анализа правовых, технических и тактических аспектов данной проблемы был выбран третий вариант — его назвали «режим отталкивания БПЛА», суть его сводится к следующему. БПЛА обнаруживается на расстоянии до 1500 м от антенного блока, по каналу управления ставится короткая по времени радиопомеха — длительностью до 5 сек. Чем ближе подлетает БПЛА к территории учреждения, тем чаще включается радиопомеха, сигнализируя оператору, что он совершает полет своего аппарата в зону сильных помех и призывает его изменить направление полета. Если полет БПЛА продолжается в сторону территории учреждения УИС, то на расстоянии 100–300 м от внешнего ограждения ставится постоянная помеха по каналу управления летательного аппарата, полет становится неуправляемым. При этом канал спутниковой навигации не подавляется, что дает возможность БПЛА вернуться к оператору, где опять

восстановится канал управления летательным аппаратом. В режиме «отталкивания» БПЛА не сбивается, но и не проникает в воздушное пространство над территорией учреждения УИС, что исключает сброс груза в заданную точку.

Предлагаемые комплексы полностью соответствуют внесенным в Закон РФ от 21 июля 1993 года N 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» изменениям [4], в частности, ст. 12 дополнена частью шестой следующего содержания:

«При осуществлении охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в целях защиты жизни и здоровья граждан, работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, от противоправных действий допускается пресечение нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве над исправительными учреждениями, следственными изоляторами уголовно-исполнительной системы и прилегающими к ним территориями, на которых установлены режимные требования, посредством подавления или преобразования сигналов дистанционного управления беспилотными воздушными судами, воздействия на их пульта управления, а также повреждения или уничтожения данных судов».

Таким образом, в настоящее время ведется интенсивный поиск эффективных методов и средств противодействия использованию БПЛА для доставки запрещенных предметов

на территорию учреждений УИС.

Примечания

1. Антипов А. Н. О проблемах обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях распространения использования беспилотных летательных аппаратов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. N 1. С. 2–7.

2. Коммерческие беспилотники перешли из теории в практику. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 26.09.2020).

3. Постановление Правительства РФ от 03.02.2020 N 74 «О внесении изменений в Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

4. Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. N 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

Notes (transliteration)

1. Antipov A. N. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noy sistemy*, 2018, no. 1, pp. 2–7 (in Russ.).

2. URL: <https://www.kommersant.ru> (date of application: 26.09.2020) (in Russ.).

3. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 20.01.2021) (in Russ.).

4. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 20.01.2021) (in Russ.).

УДК 349.3

Реабилитация инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы: нормативное регулирование обеспечения ТСП и право выбора новых методов

Андрианова Валерия Валерьевна, доцент кафедры административного и финансового права, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, кандидат юридических наук

lera3108@bk.ru

Асташкина Мария Александровна, студент, Московский государственный гуманитарно-экономический университет

as3@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются возможности применения новых и существующих стандартов в интересах инвалидов, законодательное закрепление права на получение средств технической реабилитации при нарушениях опорно-двигательной системы. Рассматривается право пациента на информацию об использовании редких методов реабилитации, канистерапии при ДЦП и иных заболеваниях опорно-двигательной системы. **Ключевые слова:** инвалид, технические средства реабилитации, методы реабилитации, канистерапия, лица с ограниченными возможностями здоровья, детский церебральный паралич.

UDC 349.3

Rehabilitation of disabled people with disorders of the musculoskeletal system: normative regulation of providing assistive technology and the right to choose new methods

Andrianova Valeriya Valer'evna, associate professor of the department of administrative and finance law, Moscow State University of Humanities and Economics, candidate of sciences (law)

lera3108@bk.ru

Astashkina Mariya Aleksandrovna, student, Moscow State University of Humanities and Economics

as3@mail.ru

Annotation: The article analyzes the mechanism for the realization of the right of persons with disabilities to receive technical rehabilitation in cases of disorders of the musculoskeletal system. The article also considers the need to use non-traditional methods of rehabilitation for cerebral palsy, used in a number of foreign countries. **Keywords:** disabled person, assistive technology, methods of rehabilitation, canistherapy, persons with disabilities, cerebral palsy.

Реабилитация инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата позволяет устранить барьеры на пути к их участию в жизни общества, чтобы раскрыть потенциал

этих людей. «Всемирный доклад об инвалидности», подготовленный Всемирной организацией здравоохранения, предложил практические шаги по развитию реабилитационных

и вспомогательных услуг, обеспечению применения новых и существующих стандартов в интересах инвалидов. Акцент должен быть сделан на мерах раннего вмешательства и преимуществах реабилитации с целью содействия обеспечению функционирования людей с широким диапазоном патологических состояний и предоставлению услуг как можно ближе к месту жительства больных. Интегрирование реабилитации в учреждениях первичной и вторичной медико-санитарной помощи может привести к улучшению доступа к услугам здравоохранения. Основным нормативно-правовым актом Российской Федерации, предусматривающим обеспечение лиц с инвалидностью техническими средствами реабилитации, является закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» [1].

Широкий перечень представляет возможность получить: протезы, в том числе эндопротезы, и ортезы, кресла-коляски с ручным приводом, с электроприводом, малогабаритные, приспособления для одевания, раздевания и захвата предметов, костыли, опоры, трости опорные и тактильные, поручни, противопролежневые матрацы и подушки, ортопедическую обувь, специальную одежду, абсорбирующее белье, подгузники, кресла-стулья с санитарным оснащением и собаку-проводника с комплектом снаряжения. Гарантированные реабилитационные средства определены федеральным перечнем технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденным распоряжением Правительства РФ [2]. В соот-

ветствии с перечнем также предоставляется ремонт технических средств реабилитации, включая протезно-ортопедические изделия; содержание и ветеринарное обслуживание собак-проводников (путем выплаты ежегодной денежной компенсации); услуги по сурдопереводу. Дети-инвалиды и инвалиды подлежат обеспечению техническими средствами реабилитации (ТСР) и протезно-ортопедическими изделиями (ПОИ), их включают в Федеральный регистр лиц, имеющих право на получение государственной социальной помощи.

Первоначально ребенку при необходимости изготавливают лечебно-тренировочный протез, а само протезирование происходит в лечебно-профилактическом учреждении или стационаре. Для этого лечебно-профилактическое учреждение выдает соответствующую справку для изготовления лечебно-тренировочного протеза. В процессе использования любое изделие изнашивается, поэтому предусмотрена замена технических средств реабилитации, протезов, протезно-ортопедических изделий по решению уполномоченного органа по истечении срока пользования ими либо при невозможности осуществления их ремонта [3]. Кроме того, медико-социальная экспертиза может внести изменения в индивидуальную программу реабилитации при необходимости их досрочной замены. К сожалению, установленные сроки замены ТСР не соответствуют реальному положению, т. к. на степень изношенности влияет состояние дорог, если мы говорим о креслах-колясках, наличие так называемой доступной среды.

Фактически инвалиды вынуждены приобретать коляски самостоятельно и гораздо раньше срока замены, так как 4–6 лет — очень большой срок для эксплуатации ТСР. Компенсацию за ТСР, купленные самостоятельно, инвалидам, зарегистрированным в Москве, осуществляет ДСЗН г. Москвы, компенсации инвалидам из других регионов, например, Московской Области, выплачивают региональные отделения ФСС. Одной из проблем при этом является размер компенсации, производимый по уровню цены последнего тендера на закупку ТСР и не соответствующий реальным затратам. Если инвалидом техническое средство, допустим коляска, куплена за большую стоимость, чем указано в регламенте, то разницу не возместят. На сайте ресурсного центра г. Москвы размещены сведения о выдаваемых креслах-колясках, при этом только 1 вид предназначен для лиц с ДЦП — «Ortonica Delux 570» производство Китай. Например, на 17 февраля 2020 г. ДСЗН Москвы разместил таблицу, устанавливающую компенсацию за кресло-коляску с ручным приводом с откидной спинкой комнатную, в том числе для детей-инвалидов — 26452 руб., кресло-коляску с ручным приводом прогулочную, в том числе для детей-инвалидов — 29877 руб. При этом на иные средства реабилитации, которые очень редко выдаются инвалидам, не востребованы в силу незнания об их наличии и не указываются в ИПР, установлены высокие уровни компенсации. Например, за столик прикроватный полагается компенсация 7083 руб., сиденье для ванны — 7841 руб., а доска для ванны оценивается в 3000 руб.

Обеспечение ТСР соответствует реальным запросам только в крупных городах. Существует несколько организаций по производству колясок, но проблемой является малый ассортимент продукции. При выборе коляски необходимо учитывать вес, рост, возраст человека, а также его образ жизни.

Существует серьезный дефицит колясок для детей и практически не выпускаются коляски с электрическими двигателями, большинство детских инвалидных колясок делается на заказ под каждого ребенка индивидуально. При сравнении с европейскими производителями инвалидных колясок, можно сделать вывод, что современное кресло-коляска должно оснащаться специальными дополнительными элементами, что позволит настроить управление кресла под индивидуальные потребности человека. Такая медицинская инвалидная коляска обладает рядом особенностей: современная инвалидная коляска (реабилитационная кресло-коляска) достаточно легко складывается и раскладывается, не требуя применения дополнительных средств; инвалидное кресло (медицинская кресло-коляска для пациентов-инвалидов) имеет компактный размер, что позволяет пациентам пользоваться стандартными пассажирскими лифтами и подъемниками; инвалидная современная коляска (специальная кресло-коляска) оборудована литыми резиновыми шинами, имеющими длительный срок службы и не требующими особого ухода; каждая инвалидная медицинская коляска оснащается тормозами на обоих ведущих колесах и съёмными опорами для ног: управление

инвалидной конструкцией не требует особых навыков и применения дополнительных усилий. Кресла-коляски очень востребованы лицами с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с ДЦП. В ИПР указывается на необходимость получения кресла-коляски, к сожалению, этим и ограничивается вся программа реабилитации инвалида. В то же время существуют интересные и применяемые в зарубежных странах нетрадиционные дополнительные методы. Канистерапия входит в группу мотивационных реабилитационных технологий. Так канистерапия — это метод реабилитации со специально обученной собакой. Такую специальную лечебную собаку часто называют «собака-ассистент», а в ИПР указывают «собака — средство реабилитации». Этот вид реабилитации основан на положительном психологическом настрое пациента и его желании добиваться восстановления. Специально обученных крупных собак используют для реабилитации детей со спастичными мышцами для их временного расслабления. Также, побуждая пациента к игре, лечебная собака мотивирует его двигаться и выполнять нужные для реабилитации занятия, выдерживать физическую нагрузку. Собаки способны налаживать контакт с неговорящими пациентами, пациентами с аутизмом, благодаря их способности понимать человека без слов, считывая мимику, жесты, позы. Лечит не собака, а специалист по реабилитации, задача собаки расположить к себе и инструктору, поддержать мотивацию к реабилитации, втянуть пациента в определенные игры и упражнения, успо-

каивать и подбадривать его в процессе. Но все это невозможно без квалифицированного специалиста, понимающего какие занятия нужны пациенту, а какие опасны или преждевременны. Важно применять метод при комплексной реабилитации, с нетяжелыми или хорошо поддающимися коррекциями случаями. Однако должны быть и другие методы воздействия на болезнь: лекарства, массаж, плавание, психотерапия, компенсирующее обучение, ЛФК и т. п. Канистерапия может подготовить к другим методам реабилитации, увеличить выносливость, стремление выздороветь, позволить дать нагрузку, которую пациент не захочет выдерживать без собаки. Этот метод является частью комплексной реабилитации. Научные исследования доказали эффективность канистерапии при ДЦП, нарушениях речевого и психомоторного развития, при восстановлении больных после инсульта, при депрессии у детей и взрослых, в адаптации к повседневной жизни детей и взрослых с аутизмом, синдромом Дауна, лечении госпитализма и острого стресса, психологических травм [4]. Российское Сообщество Поддержки и Развития Канис-Терапии вошло в Союз Реабилитологов России и осуществляет контроль за деятельностью канис-терапевтов, разрабатывает методики и нормы применения, проводит исследования клинического применения. СПРКТ обучает волонтеров и специалистов, проводит сертификацию собак и регистрирует специалистов сертифицированных собак в регистре Союза Реабилитологов России, освещая свою деятельность в сети интернет (<http://canistherapy.org>).

Важно шире информировать не только специалистов МСЭ, медицинский персонал, сотрудников социальных служб, но и родителей, законных представителей детей с ДЦП, иными нарушениями опорно-двигательной системы о возможности внесения в ИПР такой методики реабилитации, чтобы они не останавливались на требовании получения только колясок и ходунков, а использовали все возможности для реализации прав лиц с

ограниченными возможностями здоровья.

Облегчение доступа к вспомогательным устройствам и технологиям повышает независимость инвалидов, расширяет возможности их участия в жизни и способно сократить затраты на поддержку и лечение. Чтобы обеспечить правильное использование вспомогательных устройств, они должны быть гармонизированы с внешней средой и пользователем.

Примечания

1. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1995. N 48. Ст. 4563. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

2. Постановление Правительства РФ от 07.04.2008 N 240 (ред. от 16.05.2019) «О порядке обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями» // Собрание законодательства РФ. 2008. N 21. Ст. 4213. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

3. Андрианова В. В. Некоторые особенности нормативно-правового регулирования поддержки семей, воспитывающих детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Организация комплексного сопровождения обучающихся с нарушением опорно-двигательного аппарата:

Notes (transliteration)

1. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 26.10.2020) (in Russ.).

2. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of application: 26.10.2020) (in Russ.).

3. Andrianova V. V. *Organizatsiya kompleksnogo soprovozhdeniya obuchayushchikhsya s narusheniyem oporno-dvigatel'nogo apparata*. Moscow, 2019, pp. 10–15 (in Russ.).

4. URL: <https://www.dogtraining.ru> (date of application: 26.10.2020) (in Russ.).

сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019. С. 10–15.

4. Официальный сайт «Учебно-Дрессировочный Центр “Сириус”». URL: <https://www.dogtraining.ru> (дата обращения: 26.10.2020).

УДК 343.13

**Депонирование показаний:
сравнительно-правовой анализ
оснований для проведения
допроса свидетеля и потерпевшего
следственным судьей
в судебном заседании во время
досудебного расследования
по законодательству Республики
Казахстан и Украины**

*Жармагамбетова Динар Амангельдиновна, докторант,
Академия правоохранительных органов при Генеральной
прокуратуре Республики Казахстан, подполковник юстиции
dinar-zharmagamb@mail.ru*

Аннотация: Автором приводится сравнительный анализ исчерпывающих оснований проведения депонирования по законодательству Республики Казахстан и Украины. Рассмотрены Обобщения Высшего Специализированного суда Украины. Ключевым моментом данной статьи являются выводы автора о том, что недостаточно конкретизированные формулировки оснований к депонированному допросу, которые есть в уголовно-процессуальном законодательстве Украины фактически предполагают те же основания, что предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан. **Ключевые слова:** свидетель, потерпевший, следственный судья, депонирование показаний, уголовный процесс.

UDC 343.13

***Deposition of testimonies:
comparative legal analysis
of the grounds for interrogation
of the witness and the victim
by the investigating judge in the
court session during the pre-trial
proceedings under the legislation
of the Republic of Kazakhstan
and Ukraine***

*Zharmagambetova Dinar Amangel'dinovna, doctoral student,
Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan, lieutenant colonel of justice*

dinar-zharmagamb@mail.ru

Annotation: The author provides a comparative analysis of the exhaustive grounds for depositing under the laws of the Republic of Kazakhstan and Ukraine. There were considered the Generalizations of the High Specialized Court of Ukraine. The key point of this article is the author's conclusions about the insufficiently specified formulations of the grounds for deposited interrogation, which are in the criminal procedural legislation of Ukraine, which assume the same grounds as provided in the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan of the Republic of Kazakhstan. **Keywords:** witness, victim, investigating judge, deposition of evidence, criminal process.

Новелла в виде ст. 217 УПК РК — «Особенности допроса следственным судьей потерпевшего, свидетеля (депонирование показаний)» существенно реорганизовала основы теории и практики собирания доказательств в уголовном производстве. Начиная с 1 января 2015 года, уголовным процессуальным законодательством Республики Казахстан в ст. 217 УПК — «Особенности допроса следственным судьей потерпевшего, свидетеля (депонирование показаний)» предусмотрен процессуальный порядок проведения следственными судьями в стадии досудебного расследования допроса потерпевшего, свидетеля, при наличии объективных для этого причин, указанных в УПК РК.

Аналогичная норма, посвященная депонированию, имеется и в ст. 225 УПК Украины — «Допрос свидетеля, потерпевшего во время досудебного расследования в судебном заседании».

В ст. 217 УПК РК выделяется исчерпывающий перечень обстоятельств, служащих юридическими основаниями для заявления прокурором, следователем, начальником органа дознания, подозреваемым или его адвокатом ходатайства перед следственным судьей о депонировании показаний потерпевшего и свидетеля. Такими основаниями являются:

- постоянное проживание за пределами Республики Казахстан;
- выезд за границу;
- тяжелое состояние здоровья;
- применение мер безопасности;
- в целях исключения последующих допросов несовершеннолетних свидетелей и

потерпевших для исключения психотравмирующего воздействия [1].

Предусмотренные законом основания для депонирования показаний потерпевшего и свидетеля можно классифицировать по общепринятому в теории уголовного процесса критерию на две группы:

- 1) фактические основания;
- 2) юридические (правовые) основания.

По справедливому утверждению профессора С. А. Шейфера, фактическими основаниями проведения тех или иных следственных действий служат данные, указывающие на возможность извлечения искомой доказательственной информации из предусмотренных законом источников [2, с. 208].

Фактические основания депонирования в формулировке ч. 1 ст. 217 УПК РК «если имеются основания полагать» представляют собой совокупность достаточных доказательств, обосновывающих перед следственным судьей вывод инициатора данного следственного действия о необходимости его производства.

Постоянное проживание за пределами Республики Казахстан. Данное основание как препятствие для вызова потерпевшего и свидетеля в суд для дачи показаний в перспективе — один из наиболее распространенных в следственной и судебной практике. Поскольку в данном случае имеются в виду не только иностранцы, но и лица без гражданства, а также граждане Казахстана.

Следует отметить, что рассматриваемое основание как и все иные не противоречит пункту «е» ч. 3 ст. 14 Международного пакта ООН «О гражданских и политических правах»

и ст. 6 § 1 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», и вполне соответствует международным стандартам и принципам уголовного правосудия [3].

К тому же отсутствие в судебном разбирательстве указанных лиц не нарушает такое общее условие судебного разбирательства как непосредственность исследования судом обстоятельств уголовного правонарушения и очность судебного процесса. Поскольку легко компенсируется депонированным «производным» источником доказательства, как если бы процесс доказывания происходил в суде с их участием.

Выезд за границу потерпевшего и свидетеля, по нашему мнению, — наиболее частое основание обращения к следственному судье с ходатайством о депонировании их показаний. Безусловно, имеется в виду не временный отъезд за рубеж в командировку с целью туризма и т. п., а выезд за границу на постоянное жительство либо на длительное время для обучения, лечения, работы, когда обеспечение явки лица в суд первой инстанции осложнено или невозможно в силу объективных причин.

Тяжелое состояние здоровья как правовое основание проведения депонирования показаний потерпевшего и свидетеля.

Если в процессе досудебного расследования потерпевший или свидетель заболел тяжким соматическим заболеванием, то обязательно должны быть установлены характер и степень тяжести заболевания, препятствующего последующему участию лица в досудебном и судебном производстве. Дан-

ные медицинские показания обязательно удостоверяются в предусмотренном законом порядке компетентным и уполномоченным медицинским работником или медицинским учреждением с примерным указанием длительности и возможностью лечения. В то же время краткосрочное, хотя и тяжкое соматическое заболевание не может являться основанием для депонирования показаний по уголовному делу.

Представляется неоднозначным вопрос о возможности депонирования показаний потерпевшего и свидетеля при наличии временного психического расстройства, иного болезненного состояния психики.

Предварительно для установления такого состояния обязательно назначение и производство амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы. Причем в заключении экспертов-психиатров помимо констатации временного, а не хронического характера психического расстройства должно быть указано, что оно не требует лечения в принудительном порядке, а состояние обследуемого не представляет опасности для других лиц. Кроме того, данная экспертиза не должна исключать возможность участия лица в качестве потерпевшего и свидетеля по уголовному делу. Заключение экспертов должно подтверждать вывод о том, что, несмотря на выявленные психические расстройства и недостатки, обследуемый все же способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания (п. 5 ч. 2 ст. 78 УПК РК).

Однако мы считаем, что не только в вы-

шеуказанной ситуации, но и при неполной ремиссии, сопровождающей хроническое психическое заболевание, по заключению экспертов-психиатров не исключается возможность, а может быть имеется необходимость депонирования показаний ключевого свидетеля и потерпевшего.

Рассматривая юридическое основание депонирования показаний, вытекающее из невозможности допроса потерпевшего и свидетеля в судебном разбирательстве, ввиду применения к ним мер безопасности в соответствии с положениями гл. 12 УПК РК и Закона РК от 5 июля 2000 года «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе», следует сказать, что есть опасение свидетелей обвинения либо самой жертвы преступления угроз, насилия и иных неправомерных действий со стороны подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Особенно в случаях, когда такие показания расцениваются стороной обвинения как прямые улики, а сторона защиты крайне заинтересована в их сокрытии перед следствием и судом, к тому же имеет реальную возможность повлиять на свидетельствующее лицо, вплоть до его нейтрализации.

На практике нередко такие потерпевшие и свидетели продолжают уклоняться от явки в органы досудебного расследования и в суд, а будучи доставленными, отказываются от дачи изобличающих виновного показаний, изменяют ранее данные показания или дают заведомо ложные показания, несмотря на потенциальную угрозу привлечения их к уголовной ответственности.

Одна из причин неуверенности свидетельствующих лиц обвинения — слабо финансируемая работа малочисленной и сосредоточенной в МВД службы, обеспечивающей применение мер безопасности к участникам уголовного процесса.

Для повышения эффективности мер безопасности представляется необходимым изучить вопрос об образовании единой межведомственной самостоятельной службы обеспечения безопасности участников процесса. При этом целесообразно одновременно обеспечить высокий уровень технической и тактической конспирации применяемых мер защиты, выделение достаточных средств финансирования за счет выгод, получаемых государством от возмещения и предотвращения вреда (ущерба) по наиболее опасным видам преступлений, в том числе экономическим, финансовым, налоговым, в сфере наркотрафика и т. п.

Указанное юридическое основание по уголовным делам должно иметь под собой фактическое обоснование, а не опираться на мнимые страхи и предположения потерпевшего и свидетеля. К тому же органы уголовного преследования, следственный судья обязаны основывать свое решение о депонировании показаний на реальности угрозы, невозможности ее предотвратить иными мерами (например, избранием или изменением меры пресечения, иных мер процессуального принуждения — запрет на приближение и т. д.).

Следственный судья лично удостоверяется в личности допрашиваемого путем ознакомления с анкетными данными защищаемого

лица, отделенными от основного производства, и документами, удостоверяющими личность, без их оглашения, предъявления иным участникам судебного заседания, в том числе секретарю судебного заседания, и отражения их в протоколе судебного заседания и (или) судебных актах.

Исключение последующих допросов несовершеннолетних свидетелей и потерпевших для исключения психотравмирующего воздействия на них.

К сожалению, данное основание депонирования показаний пока еще носит общий, недетализированный характер. Как нам представляется, в контексте данного юридического основания депонирования речь, прежде всего, должна идти о показаниях малолетних потерпевших по уголовным делам в сфере половой неприкосновенности.

Также при конкретизации данного основания казахстанскому законодателю может быть полезен опыт Эстонии. Согласно ст. ст. 69¹, 70 [4] УПК данного государства предусмотрены следующие специальные условия депонирования показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей:

1) свидетель не достиг десятилетнего возраста, и повторный допрос может оказать вредное воздействие на психику несовершеннолетнего;

2) свидетель не достиг четырнадцатилетнего возраста, и допрос связан с применением семейного или сексуального насилия;

3) свидетель имеет расстройство речи или органов чувств, душевное недомогание или психическое расстройство.

Следует сказать, что по уголовно-процессуальному законодательству Украины в ст. 225 УПК в исключительных случаях, связанных с необходимостью получения показаний свидетеля или потерпевшего, также предусмотрены основания проведения их допроса следственным судьей, т. е. депонирование [5].

Таковыми основаниями являются:

— наличие существующей опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего, либо когда свидетель, потерпевший — тяжелобольные;

— наличие других обстоятельств, которые могут сделать невозможным их допрос в суде, либо же данные обстоятельства могут повлиять на полноту и достоверность их показаний.

Следует заметить, что в результате изучения принятых следственными судьями в порядке ст. 225 УПК Украины решений и ознакомления с ними мы пришли к следующему выводу. Высший специализированный суд Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел указал, что в целом следственные судьи правильно определяют содержание такого основания как «исключительность случаев» в понимании ч. 1 ст. 225 УПК Украины. В указанной норме четко определены только два исключительных случая, которые являются основанием для обращения стороны уголовного производства с ходатайством о проведении допроса, в частности, существование опасности для жизни или здоровья свидетеля, потерпевшего и их тяжелая болезнь. Употребленная в ч. 1 ст. 225 УПК Украины формулировка «другие обстоятель-

ства» свидетельствует о неисчерпаемости перечня таких обстоятельств, подчеркивая существование некой вероятности невозможности в дальнейшем допроса свидетеля или потерпевшего в суде, либо возможности влияния таких обстоятельств на полноту или достоверность их показаний.

Предусмотренный в ст. 225 УПК Украины правовой критерий «опасность для жизни и здоровья человека» можно рассматривать как возможность причинения смерти, телесных повреждений, возникновение заболевания лица, причинение вреда здоровью человека, в результате чего будет невозможно в дальнейшем провести допрос свидетеля или потерпевшего в судебном заседании.

Результаты анализа судебной практики позволяют сделать вывод, что, рассматривая ходатайство о проведении допроса в судебном заседании, следственные судьи толкуют понятие «существование опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего» достаточно широко, включая в него:

— угрозы убийством или применения физического насилия в отношении свидетеля, потерпевшего в случае подтверждения реальности существования таких угроз;

— другие проявления психического насилия в отношении свидетеля, потерпевшего, в частности, их терроризирование, моральное давление, настойчивые требования.

Проблемным вопросом рассмотрения ходатайств о допросе свидетеля, потерпевшего в порядке ст. 225 УПК Украины является и оценка его эмоционального состояния, которое возникло на фоне совершенного престу-

пления и в результате пережитого сильнее-шего эмоционального стресса может сделать невозможным допрос такого человека в суде либо повлиять на полноту и достоверность его показаний. Поэтому рассматривая ходатайство о депонированном допросе в виду существующей опасности для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего, следственный судья должен учитывать, что такая опасность может вызвать и опасность для психического, эмоционального состояния свидетеля, потерпевшего на фоне переживаний в результате совершенного преступления [6].

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам. По законодательству Республики Казахстан в нормах УПК основания к депонированному допросу более систематизированы и конкретизированы по сравнению с уголовно-процессуальным законодательством Украины.

Однако данный факт следует рассматривать двояко. Поскольку недостаточно конкретизированные формулировки оснований к депонированному допросу, которые имеют место в УПК Украины, такие как: «существующая опасность для жизни и здоровья свидетеля, потерпевшего», «другие обстоятельства, которые могут сделать невозможным их допрос в суде, либо же данные обстоятельства могут повлиять на полноту и достоверность их показаний» фактически предполагают те же основания, что предусмотрены в УПК Республики Казахстан, а именно: «постоянное проживание за пределами РК», «выезд за границу», «применение мер безопасности», «исключения психотравмирующего воздей-

ствия на несовершеннолетнего».

В тоже время следует сказать, что в УПК Украины при проведении депонирования предусмотрен и процессуальный порядок проведения одновременного допроса следственным судьей двух или более уже допрошенных лиц. В этом случае допрос свидетеля, потерпевшего осуществляется в судебном заседании в месте расположения суда или пребывания больного свидетеля, потерпевшего в

присутствии сторон уголовного производства и с соблюдением правил, которые предусмотрены для проведения допроса во время судебного разбирательства. Однако при депонировании показаний такое процессуальное действие, как проведение одновременного допроса следственным судьей двух или более уже допрошенных лиц (очная ставка), нормами действующего УПК Республики Казахстан не предусмотрено.

Примечания

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 N 231-V. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 04.02.2021).

2. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. 128 с.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 04.02.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12. 02. 2003. URL: <https://www.juristaitab.ee> (дата обращения: 18.11.2020).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 N 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения: 18.11.2020).

6. Обобщение Высшего Специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел «О практике решения следственными судьями вопросов, связанных со следственными (розыскными) действиями». URL: <https://zib.com.ua> (дата обращения: 18.11.2020).

Notes (transliteration)

1. URL: <https://online.zakon.kz> (date of application: 04.02.2021) (in Russ.).

2. Sheyfer S. A. *Sledstvennyye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma*. Moscow, 1981, 128 p. (in Russ.).

3. URL: <http://base.garant.ru> (date of application: 04.02.2021) (in Russ.).

4. URL: <https://www.juristaitab.ee> (date of application: 18.11.2020).

5. URL: <https://zakon.rada.gov.ua> (date of application: 18.11.2020).

6. URL: <https://zib.com.ua> (date of application: 18.11.2020).

УДК 340.111

Значение принципов правопонимания для современного российского права

Володин Кирилл Альбертович, студент, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

lliriknidolov@gmail.com

Аннотация: В данной статье автором рассматриваются основные типы правопонимания. Особое внимание уделяется легистскому типу и его проявлениям в современной российской правовой действительности. **Ключевые слова:** правопонимание, типы правопонимания, либертарно-юридический тип, естественно-правовой тип, легистский тип.

В научном правовом сообществе обсуждается проблема значения конкретных позиций правопонимания для современной правовой ситуации в Российской Федерации. Это действительно важно, потому что базовые принципы понимания права в конечном счете влияют на решения, определяющие жизнь общества и качество политико-правовых отношений. Данная проблема имеет давнее происхождение. На протяжении двух столетий в нашей стране борются две ведущие правовые тенденции: это идея легизма, с одной стороны, и либертаризма, с другой. Необходимо кратко охарактеризовать ключевые

типы правопонимания, опираясь на положения работы В. В. Лапаевой [1], где проанализированы концепции правопонимания.

Начнем с характеристики правопонимания *либертарно-юридического* типа, доминирующего в современном демократическом обществе и поддерживаемый определенным числом российских правоведов (В. С. Нерсисянц [2], В. В. Лапаева, А. Н. Нечаев [3]). Данный тип правопонимания базируется на принципе формального равенства, на том, что право — всеобщая и необходимая форма свободы, а вовсе не те формы поведения, которые разрешены государством.

UDC 340.111

The importance of the principles of legal understanding for modern Russian law

Volodin Kirill Al'bertovich, student, Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
lliriknidolov@gmail.com

Annotation: In this article, the author considers the main types of legal understanding. Special attention is paid to the legist type and its manifestations in the modern Russian legal reality. ***Keywords:*** legal understanding, types of legal understanding, libertarian-legal type, natural-legal type, legist type.

Следующий тип правопонимания — *естественно-правовой* (Н. А. Бердяев [4], С. С. Алексеев [5], И. А. Ильин [6]). Эта концепция характерна тем, что понятия «право» и «закон» не только не тождественны, но и зачастую противопоставляются друг другу, а источники права находятся в самой природе вещей, человека, общества, а не в волеизъявлении законодателя. Данный тип правопонимания имеет длительную историю и воплощается в учении о естественных правах и свободах человека. Следует заметить, что такой взгляд на права и свободы приобрел широкое признание и отражен во многих международных и национальных нормативно-правовых актах. В частности, это харак-

терная черта Конституции РФ 1993 г., в которой уделено большое внимание естественным правам и свободам человека.

И, наконец, *легистский* тип правопонимания (Г. Ф. Шершеневич [7]). Не случайно мы говорим о нем именно сейчас, так как его проявления находят место в современном российском законодательстве и правоприменении и это несмотря на следование либертарным тенденциям и конституцию с выраженной естественно-правовой ориентацией. Сущностная черта легистского типа правопонимания подразумевает явное или неявное отождествление права и закона, связанного с волей государства, правителя.

Профессор П. П. Баранов в своей работе

«Легистский позитивизм современной России» [8] отмечает, что Конституция РФ в ч. 3 ст. 55 устанавливает субъективные права и свободы человека высшей неотчуждаемой ценностью [9]. Однако она допускает те или иные ограничения провозглашенных неотъемлемых прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя в специально оговоренных случаях. Примечательно то, что само государство регламентирует и устанавливает упомянутые случаи. В этом и проявляется легистский подход. Кроме того, стоит упомянуть, что массив действующих законов и прочих нормативно-правовых актов на территории нашей страны постоянно увеличивается, и это, по мнению П. П. Баранова, связано с устоявшимся позитивистским стереотипом нашего общества, в рамках которого закон регулирует все, начиная от борьбы с преступностью и заканчивая улучшением благосостояния людей. Это прослеживается и в результатах социологических опросов на данную тему, которые показывают доминирование легистской тенденции, выражающейся в формуле «хороший закон — улучшение жизни».

Далее, можно выделить следующие его проявления — закрытость власти, а также такие действия Депутатов Государственной Думы, как систематическое внесение на рассмотрение нижней палаты парламента спорных законопроектов, зачастую дискредитирующих саму идею парламентаризма. П. П. Баранов приводит примеры таких законопроектов: проект перекраски Кремля в белый цвет, изменение цвета российского флага, население «умира-

ющих» деревень китайцами, законодательное закрепление понятия «враг народа», ограничение «плохих новостей» в средствах массовой информации.

С. В. Самодин [10] также указывает на то, что с принятием реформы местного самоуправления 2003–2009 гг. муниципальное управление подверглось огосударствлению, а именно: проявилась тенденция ограничения самостоятельности местного самоуправления. Кроме того, законом предусматриваются формы прямого регулирования вопросов местного значения субъектами РФ.

Профессор Е. С. Шугрина подчеркивает, что в соответствии с поправками к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11] делегирование замещает выборность, модели местного самоуправления стандартизируются. В этом же ряду стоит реформа 2005 г., когда по инициативе Президента в России были временно отменены выборы губернатора, вследствие чего население утратило возможность избирать глав исполнительной власти, а государственная власть на местах окрепла. Еще одним ярким признаком легизма в современной России является длительная несменяемость власти, что противоречит принципу политического плюрализма, установленного Конституцией.

Стоит сказать и про одну из важнейших поправок к основному закону, вступивших в силу в 2020 г. — обнуление сроков правления действующего Президента РФ. Она была внесена с подачи депутата В. В. Терешковой и теоретически позволяет В. В. Путину со-

хранять за собой президентский пост и после 2024 г. [12]. Как отмечает профессор Г. Т. Хайруллин, таким образом было предложено открыто признаться о стремлении продлить сроки президентства, хотя нормы Конституции запрещали подобное решение (эти процессы наблюдались в Египте, Боливии, Венесуэле и в других странах) [13].

Аналогичной позиции придерживается и М. Х. Фарукшин, говоря о проблеме транзита власти в России, он приходит к выводу о том, что мировой опыт автократии в манипулировании конституционным законодательством и преодолении ограничений сроков президентских полномочий довольно богат. Он притягателен для стран с неразвитой политической системой, слабыми гражданскими и политическими институтами, неорганизованной оппозицией и молчаливым большинством. В основе их устройства лежат низкая, отвергающая демократию политическая культура и персоналистский режим [14].

В контексте конституционной реформы обозначим и проблему взаимодействия международного и внутригосударственного права. Разрешение вопроса о соотношении норм обеих систем права ставится в зависимость от выбранного ракурса — национального или международного [15]. Факт признания международного права частью российской правовой системы ознаменовал ее вхождение в международное сообщество цивилизованных государств. Несмотря на положение, закрепленное в ч. 4 ст. 15, не признается за международным правом приоритет над Конституцией РФ. Поэтому закрепление в ст. 79 оговорки

о безусловности действия решений межгосударственных органов в России продиктовано рядом судебных казусов об исполнении (невозможности исполнения) решений ЕСПЧ, рассмотренных Конституционным Судом РФ. Однако действующая формулировка ст. 79 видится неудачной, поскольку отсутствие четких критериев «противоречия» позволит российским властям злоупотреблять данной нормой. В литературе предлагаются более точные и недвусмысленные формулировки с точки зрения юридической техники, не принятые российским законодателем [16].

Необходимо понимать, что легизм в нашей стране имеет объективную почву. В первую очередь это связано с огромной территорией и большим народонаселением, что обуславливает тенденцию укрепления центральной государственной власти. Во-вторых, существует определенная преемственность монархических и крепостнических традиций, советского опыта, формировавших убеждение в том, что власть имеет право решать жизненно важные вопросы за общество. Кроме того, трудности естественного становления и развития гражданского общества в нашей стране также являются причиной возникновения проявлений легизма.

Значительной частью научного сообщества признано, что легистский тип правопонимания опасен для общества и личности. Поэтому следует обратиться к его антиподу — либертарно-юридической концепции, которая наиболее востребована современной социально-правовой практикой. Ее роль в развитии современного права

сложно переоценить, независимо от личных предпочтений и взглядов. Законодательство большинства стран следует принципам именно этого типа осознания права, но не потому, что так решает узкий круг лиц и публичная власть, а в силу глобальной тенденции. Либертаризм подразумевает не только максимальную свободу индивида, в содержании этой концепции существует положение о том, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Безусловно, правовые издержки можно обнаружить и в этом подходе, но на данный период

проявления легизма представляются куда более опасными.

В заключение отметим, что выработка принципиальных основ построения правовой системы нуждается в консолидации усилий государства и общества. Особое значение приобретает активность гражданского общества, его институтов, поскольку пассивность также способствует легистским тенденциям, объективно присущих государственному аппарату. Либертарная концепция отвечает потребностям всех слоев населения как правых, так и левых взглядов.

Примечания

1. См.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012, 578 с.

2. См.: Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. N 3. С. 3–15.

3. См.: Нечаев А. Н. Ценность права с позиции либертарно-юридической концепции правопонимания, разработанной академиком В. С. Нерсесянцем // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. N 6 (98). С. 222–226.

4. См.: Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / составление и комментарии В. В. Сапова. М.: Канон-плюс, 1999. 464 с.

Notes (transliteration)

1. See: Lapayeva V. V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika*. Moscow, 2012, 578 p. (in Russ.).

2. See: Nersesyants V. S. *Voprosy filosofii*, 2002, no. 3, pp. 3–15 (in Russ.).

3. See: Nechayev A. N. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2011, no. 6 (98), pp. 222–226 (in Russ.).

4. See: Berdyayev N. A. *Novoye religioznoye soznaniye i obshchestvennost'*. Moscow, 1999, 464 p. (in Russ.).

5. See: Alekseyev S. S. *Sobraniye sochineniy. Tom 7: Filosofiya prava i teoriya prava*. Moscow, 2010. 520 p. (in Russ.).

6. See: Il'in I. A. *Teoriya prava i gosudarstva*. Moscow, 2014. 550 p. (in Russ.).

5. См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справочный том]. Т. 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.

6. См.: Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. 2-е изд., доп. М.: Зерцало-М, 2014. 550 с.

7. См.: Каранович М. К., Працко Г. С. Исследование права и особенности правопонимания Г. Ф. Шершеневича // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. N 8. С. 108–111.

8. Баранов П. П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский вестник. 2015. N 1. С. 9–15.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Самодин С. В. Основные тенденции и противоречия реформы местного самоуправления в России // Власть. 2007. N 7. С. 9–11.

11. Шугрина Е. С. Самостоятельно ли население в определении структуры местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 12 (61). С. 41–51.

12. См. подробнее об этом: Новый срок для президента. Что важно знать. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

13. См.: Хайруллин Г. Т. О содержании конституционных поправок // Проблемы науки. 2020. N 7 (55). С. 51–57.

7. See: Karanovich M. K., Pratsko G. S. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 2019, no. 8, pp. 108–111 (in Russ.).

8. Baranov P. P. *Severo-Kavkazskiy Vestnik*, 2015, no. 1, pp. 9–15 (in Russ.).

9. Constitution of the Russian Federation. *Access from the reference legal system «Consultant-Plyus»* (in Russ.).

10. Samodin S. V. *Vlast'*, 2007, no. 7, pp. 9–11 (in Russ.).

11. Shugrina E. S. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 12 (61), pp. 41–51 (in Russ.).

12. URL: <https://www.rbc.ru> (date of application: 10.03.2021) (in Russ.).

13. See: *Khayrullin G. T. Problemy nauki*, 2020, no. 7 (55), pp. 51–57 (in Russ.).

14. See: Farukshin M. Kh. *Politicheskaya nauki*, 2019, no. 4, pp. 240–261 (in Russ.).

15. See: Likhachev M. A. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal*, 2020, no. 3, pp. 30–44 (in Russ.).

16. Pinchuk A. P. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*, 2020, no. 11 (51), pp. 168–172 (in Russ.).

14. См.: Фарукшин М. Х. Сроки президентских полномочий, или бессрочная верховная власть // Политическая наука. 2019. N 4. С. 240–261.

15. См.: Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. N 3. С. 30–44.

16. Пинчук А. П. О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. N 11 (51). С. 168–172.

УДК 342.7

Право на манифестации: общие положения и проблематика ответственности

Довнар Алексей Николаевич, магистрант, Московский государственный гуманитарно-экономический университет
dovnar.mggeu@mail.ru

Андрианова Валерия Валерьевна, доцент кафедры административного и финансового права, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, кандидат юридических наук
lera3108@bk.ru

Аннотация: В статье анализируются теоретико-практические аспекты права на манифестации как публично-политического права граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства. Рассмотрены основные формы проявления политической активности, предусмотренные статьей 31 Конституции Российской Федерации, дана оценка динамического изменения правоприменительной практики и предложены механизмы по ее эффективному регулированию. **Ключевые слова:** политические права граждан, право на манифестации, митинг, шествие, пикетирование, демонстрация, публичное мероприятие, конституционное право, административная ответственность.

Право на манифестации — особое публично-политическое право граждан нашей страны (если исходить из буквального текста

российской Конституции) [1], а также иностранцев и лиц без гражданства, реализуя которое, субъекты конституционно-правовых

UDC 342.7

The right to manifest: general provisions and issues of responsibility

Dovnar Aleksey Nikolayevich, master's degree student, Moscow State University of Humanities and Economics

dovnar.mggeu@mail.ru

Andrianova Valeriya Valer'evna, associate professor of the department of administrative and finance law, Moscow State University of Humanities and Economics, candidate of sciences (law)

lera3108@bk.ru

Annotation: The article analyzes the theoretical and practical aspects of the right to manifestation as a public-political right of citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons. The main forms of manifestation of political activity, provided for in article 31 of the Constitution of the Russian Federation, are considered, the dynamic changes in law enforcement practice are assessed and mechanisms for its effective regulation are proposed. **Keywords:** political rights of citizens, the right to manifestation, rally, procession, picketing, demonstration, public event, constitutional law, administrative responsibility.

отношений чаще всего выражают свое несогласие с проводимой государственной и (или) муниципальной властью политикой, реже всего собираются вместе по случаю празднования исторического события или

воспоминания о траурной дате [8, с. 724].

Право на манифестации — более широкое правомочие гражданина, которое употреблено в сжатой форме, а его полное содержание закреплено в статье 31 Консти-

туции Российской Федерации, где указана следующая вариативность манифестаций: собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование. Сюда же вполне относимо право собираться мирно и без оружия.

Несмотря на отнесение права на манифестации к разряду публично-политических, оно наряду с прямым политическим целеполаганием может быть связано с политическими требованиями опосредованно или вовсе не примыкать к ним, а быть совершенно отвлеченным мирным мероприятием, участвуя в котором, граждане, по убежденности некоторых исследователей, реализуют коллективное право. В целом выражая поддержку такой точке зрения, отметим вполне возможную в индивидуальном осуществлении манифестацию, к примеру, в виде одиночного пикета.

Если продолжить развитие мысли о политической составляющей в праве на манифестации, то обнаружится, что предметная сущность такого права все же тесно связана с выражением отношения к проводимой политике, что свидетельствует об особенностях этого права, которое в совокупности с другими публично-политическими правами именно для активного участия населения в политической жизни страны и были дарованы Конституцией Российской Федерации, принятой на заре становления нового витка в развитии отечественной государственности.

В дополнение к предметной сущности реализации права на манифестации внимания заслуживает и организационная сущность такого права, выражающаяся в специфичности его целеполагания (такое мероприятие име-

ет специальную аудиторию), месте проведения (как правило, манифестации проводятся либо в нежилых помещениях, либо на свежем воздухе) и обязательного наличия ответной реакции власти на проводимое мероприятие.

Вариативность реагирования власти на то или иное политическое событие, в котором участвуют и выражают свое по большей части политическое отношение граждане, складывается еще на начальном этапе, характеризуемом как организация и предваряющим проведение самого мероприятия, и выражается либо в обязательности или же необязательности испрашивания разрешения на манифестации, либо достаточности уведомления о предстоящем массовом скоплении людей для достижения определенных целей. Замечательно, что ранее распространенный разрешительный порядок проведения всех видов манифестаций не перенят действующей Конституцией и есть вариативность простого уведомления [10, с. 167].

Не вдаваясь в дискуссии о формах выражения «властного отношения» к манифестациям, присутствующим в юридической науке, отметим, что отраслевое законодательство обобщает все виды политического выражения своего мнения гражданами (в данном случае мы берем за основу право на манифестации как разновидность публично-политических прав граждан, хотя и не исключаем особенностей, приведенных выше) терминологической дефиницией «публичное мероприятие», давая его определение в специальном Федеральном законе, одновременно с этим закрепляя понятия всех видов манифестаций [3].

Несмотря на легальное закрепление каждого из определений, требуется привести некоторые пояснения по следующим параметрам: цель проведения манифестации, вопрос об уведомлении, место проведения, форма проведения.

Так, если объединить имеющие некоторые сходства в характеристике собрания и митинга, то обнаружится, что целью собрания является будничное обсуждение больше текущих, хотя и насущных вопросов деятельности, как правило, одного коллектива, митинг же, нередко проводимый в выходные дни, нацелен на решение общественно-значимой проблемы людьми, разделяющими определенные взгляды, но не связанными более друг с другом. Принимая во внимание, что митинг — политическая акция, на него требуется получить разрешение, чего не нужно делать для проведения собрания, итогом которого зачастую является протокол с обозначением конкретных стратегических задач по решению определенных проблем, а вот митинг завершается принятием резолюции с закреплением политических оценок и призывов.

Вторая группа категорий шествие — демонстрация отличается своей динамичностью, наглядно демонстрируемой их участниками и наблюдаемой со стороны не участвующими, которые, как правило, проходят с задействованием протяженных участков проезжей части дорог, перекрывааемых на время проведения публичного мероприятия, с одной стороны, для бесперебойного осуществления поставленных собравшимися целей, с другой — для обеспечения безопас-

ности демонстрантов и выстраивания грамотной логистики для участников дорожного движения, вынужденных изыскивать иные, нежели привычные варианты маршрутизации до места назначения. В этом контексте нелишним будет заметить, что нередко граждане заявляют об излишней зарегулированности публично-политических прав.

Если динамичность в реализации прав граждан на шествие и демонстрацию роднит эти разновидности проявления гражданской активности, то целеполагание у них весьма различно. Демонстрация — мероприятие с ярко выраженными политическими установками или собрание людей, по завершению которого такие установки с явно политическим окрасом проявятся в итоговом документе, тогда как шествие хотя и может иметь политическую составляющую, но не всегда. К «политичности» демонстрации относится использование в процессе ее проведения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации. В свою очередь, при проведении шествий, которые вполне могут быть никак не связаны с политикой, к примеру, на марше Бессмертного полка или в процессе крестного хода на Светлое Христово Воскресение, законодательством не предусмотрена возможность демонстрирования наглядной атрибутики, что является, по нашему мнению, не совсем правильным, поскольку транспаранты вполне применимы и вне политического контекста.

В контексте проблем законодательного регулирования публично-политического права на демонстрации в их расширительном толко-

вании в процессе реализации всей совокупности вариантов гражданской активности стоит акцентировать внимание на вызывающее серьезную обеспокоенность в связи с большой долей вероятности проявления правоприменительных перегибов и судебных ошибок ужесточение административной ответственности за нарушение законодательства о митингах.

Наша обеспокоенность небезосновательна, поскольку федеральный законодатель, очевидно реагируя на всплеск активного выражения сознательно-неаполитичными гражданами своего политического протеста, ввел вместе с новым составом административного правонарушения, еще и новую разновидность публичного мероприятия, которое легально именуется как организация массового одно-временного пребывания или передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка [2].

Многие могут не согласиться с такой трактовкой законодательной нормы, рассматривая ее как дополнительный механизм обеспечения правопорядка и безопасности населения. Однако, логика законодателя и в след за ним правоприменителя будет понятна лишь в том случае, если собрание граждан плавно трансформируется в совместное движение по определенной, спонтанно или заранее заданной траектории, что будет походить на шествие, в силу закона требующее согласование с органами власти помимо воли организаторов или участников происходящего. Но как быть, скажем, в ситуации, при которой группа людей, не преследуя никаких

политических целей, размещается на траве в сквере, в парковой беседке или в любом другом общественном месте для совместного времяпрепровождения? Очевидно, что к такой категории граждан применение административной санкции будет незаконной.

Следующий аспект правоприменения касается привлечения к административной ответственности за проведение публичных мероприятий с политической повесткой дня вблизи определенных объектов, которое приводит к нарушению публично-политических прав граждан [9, с. 78]. Так в Республике Коми в дополнение к уже приведенному на федеральном уровне перечню объектов, вблизи которых не допускается проведение публичных мероприятий, Законом Республики Коми были отнесены здания, занимаемые органами государственной власти субъекта Федерации, государственными учреждениями и организациями республиканского подчинения [4]. Впоследствии Конституционный Суд счел законодательную норму (п. 6 ст. 5) не соответствующей Конституции Российской Федерации и, как следует из постановления органа конституционного контроля, призвал законодателя Республики Коми внести необходимые изменения в отраслевое законодательство, однако, к сожалению, и по сей день противоречащая Основному закону норма не изменена [5].

Приходится констатировать, что административная практика имеет тенденции, заслуживающие внимания и нуждающиеся в корректировке не только в приведенном выше случае, но и во многих других. Из ре-

шения Центрального районного суда города Красноярск [7] и апелляционного определения Верховного суда Республики Башкортостан [6] видно, что сторона, против которой подаются административные иски, чинит значительные препятствия жителям своих регионов в реализации ими своего конституционного права на демонстрации, чего быть в демократическом и правовом государстве не должно.

Разумеется, никого не оставляет равнодушными агрессия правоохранителей, которые принимают участие в обеспечении общественного порядка при проведении массовых мероприятий, в особенности имеющих либо изначально, либо впоследствии приобретающих политический контекст. Так, например, на акции протеста против поправок в Конституцию в Москве задержали более 130 человек. Среди задержанных вынуждены были находиться даже те, кто просто находился на тротуарах и никак не проявлял активность и не солидаризировался с вышедшими на проезжую часть протестующими. Такого рода «борьба» с нарушителями общественного порядка и спокойствия не может находить у нас поддержку, ибо не свидетельствует о стремлении сотрудников правоохранитель-

ных органов к выполнению своих прямых обязанностей по поддержанию безопасности дорожного движения и охране прав граждан, и содействию беспрепятственной реализации публично-политических прав несогласных с политикой граждан. По нашему мнению, даже в ситуации нагнетания эскалации недовольства (что вполне свойственно такого рода мероприятиям при большом скоплении людей) следует сохранять трезвомыслие и следовать букве, но и духу закона, потому как адекватность одних послужит скорее всего вразумлению других и не приведет к нарушению закона.

Подводя итог, отметим, что право на демонстрации характеризуется нами как комплексное в контексте публично-политических прав, дарованных российской Конституцией гражданам нашей страны, иностранным гражданам и лицам без гражданства. Вместе с тем нами, как, впрочем, и многими другими субъектами научного дискурса, а также органом конституционного контроля выявлена серьезная проблематика применения административной ответственности за нарушение законодательства о митингах, которая требует доктринально-легального осмысления, проработки и должного нормативного регулирования.

Примечания

1. Российская газета. 2020. N 144.
2. Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.

Notes (transliteration)

1. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, no. 144 (in Russ.).
2. *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 1 (part 1), article 1 (in Russ.).

3. Собрание законодательства РФ. 2004. N 25. Ст. 2485.
4. Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2012. N 63. Ст. 1545.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2019 г. N 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми "О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми" в связи с жалобами граждан М. С. Седовой и В. П. Терешонковой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. N 6.
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 4 марта 2020 г. по делу N 33а-3391/2020. URL: <http://vs.bkr.sudrf.ru> (дата обращения: 06.10.2020).
7. Решение Центрального районного суда города Красноярска от 19 июня 2019 г. по делу N 2а-5195/2019. URL: <http://centr.krk.sudrf.ru> (дата обращения: 06.10.2020).
8. Конституционное право России: учебное пособие: в 2 томах / С. А. Авакьян. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2019. Т. 1.
9. Халикова А. Н. Право на свободу мирных собраний: проблемы реализации в современной России // Вестник науки. 2020. Т. 2. N 5 (26).
10. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017.
3. *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2004, no. 25, article 2485 (in Russ.).
4. *Vedomosti normativnykh aktov organov gosudarstvennoy vlasti Respubliki Komi*, 2012, no. 63, article 1545 (in Russ.).
5. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*, 2019, no. 6 (in Russ.).
6. URL: <http://vs.bkr.sudrf.ru> (date of application: 06.10.2020) (in Russ.).
7. URL: <http://centr.krk.sudrf.ru> (date of application: 06.10.2020) (in Russ.).
8. *Konstitutsionnoye pravo Rossii: training manual* / S. A. Avak'yan. Moscow: *Norma, INFRA-M*, 2019, vol. 1 (in Russ.).
9. Khalikova A. N. *Vestnik nauki*, 2020, vol. 2, no. 5 (26) (in Russ.).
10. Shakhray S. M. *Konstitutsionnoye pravo Rossiyskoy Federatsii: textbook*. Moscow: *Statut*, 2017 (in Russ.).

УДК 347.78

Становление и развитие авторского и патентного права в Китае

**Хасанов Эльнур Расимович, старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права,
Московский государственный гуманитарно-экономический
университет**

hasanov.elnur@mail.ru

Аннотация: В данной статье представлена общая информация развития авторского и патентного права Китая. Положительная практика Китая в вопросах развития авторского права может быть полезна как Российской Федерации, так и иным странам современного мира. Приведена актуальная информация в вопросе «непосредственной увязки» поступления иностранных инвестиций от характера и содержания авторского права. **Ключевые слова:** авторское право, патентное право, Китай, экономика, иностранные инвестиции, промышленные технологии, смешанная экономика, недобросовестная конкуренция.

Современное авторское право Китая относительно молодая, но быстро развивающаяся отрасль права. За последнее время, согласно ежегодному докладу Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Китай стал одним из мировых лидеров по регистрации как прав на авторство, так и в области патентного права [1]. В связи с этим актуальность данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать этапы становления и раз-

вития авторского права Китая и сделать выводы — что явилось причиной такой бурной активности в данной области в этой стране. Также, актуальность вопроса о становлении и развитии авторского права в Китае состоит в том, что данная информация может использоваться и в иных странах, сталкивающихся с рассматриваемой проблематикой.

Исходя из первоисточников по вопросам охраны авторского права в Китае можно

UDC 347.78

Formation and development of copyright and patent law in China

Khasanov El'nur Rasimovich, senior lecturer of the department of theory and history of state and law, Moscow State University of Humanities and Economics

hasanov.elnur@mail.ru

Annotation: This article provides general information on the development of copyright and patent law in China. The positive practice of China in the development of copyright can be useful both for the Russian Federation and for other countries of the modern world. The article provides up-to-date information on the issue of «direct correlation» of foreign investment income from the nature and content of copyright.

Keywords: copyright, patent law, China, economy, foreign investment, industrial technology, mixed economy, unfair competition.

предположить, что первое упоминание данной отрасли права было еще в XIX в. На данном этапе развития авторского права стала причина колонизации Китая, тем самым в эту страну стали поступать как новые промышленные технологии, так и правовая база стран колонистов. И уже 1898 г. находившийся на престоле Император Гуансуй обнародовал «Указ о награждении за ремесло правильной формы», который принято считать отправной точкой формирования законодательства в сфере права интеллектуальной собственности в Китае [2].

Охрана авторских прав в Китае впервые была юридически оформлена в 1899 г., когда известный автор Янь Фу зарегистрировал 20-летнее авторское право со своим издателем. В 1906 г. в Китае было уже 22 хорошо известных издательства, а к 1912 г. — более 500 информационных агентств. Бум издательской индустрии усложнил отношения авторов и издателей. Закон об авторском праве появился в Китае в 1910 г. (спустя 200 лет после принятия первого Статута об авторском праве в Англии в 1709 г.) и был основан на положениях Бернской конвенции [3].

Впоследствии правительством Китайской Республики также был опубликован целый ряд регламентов и положений, таких как: «Временный регламент о поощрении изделий художественной промышленности», «Временные положения о поощрении промышленных продуктов» и «Временные положения о поощрении промышленных технологий», однако данные законы нельзя назвать полноценными законами, регулирующие интеллектуальную собственность, так как в некоторых из них отсутствовали практические механизмы определения как изобретения, так и проведения экспертизы полученного полезного изобретения.

Необходимо отметить следующее — получив весь необходимый и по большей части негативный первоначальный опыт в вопросах защиты авторского права на первоначальном этапе, тем не менее уже в 1912 г. в Китае был разработан и введен в действие «Временный статут о вознаграждении за технологию». Как показал весь опыт его практического применения, в нем существовал уже и сам механизм определения изобретения, и механизм его экспертизы и последующего вознаграждения.

В 1923 г. в Китае публикуются ряд законодательных актов в области защиты интеллектуальной собственности. Одним из таких актов был — Закон Китайской Республики «Об авторском праве», но и этот закон, по существу, был не полноценным и практически был навязан более развитыми западными странами.

Таким образом, весь накопленный опыт первоначальной защиты авторских прав в

Китае был учтен и не пропал даром, тем самым создав непосредственную предпосылку для его дальнейшего успешного развития и становления, как важнейшей части современной гражданской жизнедеятельности данной страны. В конечном итоге в 1944 г. в Китае был принят первый патентный закон, который уже переводил на новый, качественно более высокий уровень, всю тематику развития авторского права в этой стране.

В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика. Политика Нового правительства требовала создание новых законов. Именно в этот период развития Китайской Народной Республики произошло кардинальное понимание того, что необходимы существенные сдвиги в вопросах развития авторского права, так как устаревшее законодательство, уже не отвечало текущим запросам времени. Так и случилось — старые законы были отменены и вместо них были приняты новые.

Исходя из общего анализа того исторического времени развития Китая, можно заключить, что интеллектуальная собственность стимулировалась только на основе системы вознаграждений, которая в обязательном порядке должна была быть подкреплена официальными документами уполномоченных государственных органов Китайской Народной Республики.

Дальнейшая практика развития Китайской Народной Республики показала следующее — существование такой «ручной системы» авторского права — неэффективно и самым значительным образом препятствует нормальному экономическому развитию всей страны. С уче-

том данной практики было принято концептуальное решение в виде отказа от системы «ручного управления» авторским правом в пользу нормативно-правового регулирования данного вопроса.

В конечном итоге в 50–60-х гг. XX в. в Китайской Народной Республике были разработаны и изданы «Положения о наградах за изобретения», «Временное положение о гонорарах за авторство в литературе, издательстве и сфере общественных наук» и другие законодательные акты, которые привели к возникновению правовой основы в таких направлениях, как творческий труд, защита прав авторов и др., однако данные законодательные акты подверглись жесткой критике и вскоре были упразднены [2].

На основании всего вышесказанного следует вывод, что, уже в конце 1978 г., Правительство Китайской Народной Республики решило сделать законодательство об авторских правах наиболее эффективным, так как был выбран курс на «политику открытых дверей», которую невозможно было бы осуществить без реформирования этой части системы права.

В результате такой общегосударственной политики Правительства КНР в середине 1980-х гг. происходит существенное изменение авторского права этой страны, которое включало в себя вопросы следующего содержания:

- получает более существенную переработку Закон о патентных правах и Инструкция к нему;
- происходит значительное увеличение

сроков патентной охраны авторских прав;

- производство и разработка пищевых веществ и продуктов, получаемых с использованием химической промышленности, получает новые порядки и условия ее лицензирования.

Более того, основной нормативно-правовой акт КНР в вопросах непосредственной защиты авторских прав, а именно «Патентный закон» получает дополнительные приложения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), что в рассматриваемом вопросе самым значительным образом улучшает и синхронизирует авторское и патентное право КНР с законодательством наиболее развитых стран современного мира.

Авторское и патентное право КНР в последующие годы получало свое дальнейшее развитие и становление, которое уже затрагивало более второстепенные, либо несущественные проблемы, направленные на дальнейшее развитие всех рассматриваемых выше тематик [4].

Необходимо отметить факт того, что такая политика Правительства Китайской Народной Республики в конечном итоге дала свои положительные результаты, позволив этой стране занять лидирующее положение в мировой экономике не только на региональном, но и на глобальном уровнях.

В результате такой обдуманной и долгосрочной стратегии Правительства Китайской Народной Республики постепенно сокращается разрыв между количеством выданных патентов иностранцам и, соответственно,

гражданам этой страны, поскольку этот показатель, позволяет говорить о том, что экономика КНР не просто успешно развивается, но и получает «качественное перерождение» в виде учета мнения как граждан этой страны, так и всех иных проблематик взаимосвязанного содержания и наполнения.

Представленный выше общий анализ вопросов становления и развития авторского и патентного права в Китайской Народной Республике позволяет говорить о том, что за последние пятьдесят лет в этой стране была создана в полной мере работоспособная и эффективная авторская и патентная система, которая соответствует самым передовым нормам международного права [5]. С чем в данном случае нельзя не согласиться, так как этот вопрос отвечает реальной действительности.

Анализируя реалии настоящего времени, резюмируем, что в Китайской Народной Республике сегодня приняты и действуют нормативно-правовые акты в вопросах защиты авторских и патентных прав следующего содержания:

- «Патентный закон» КНР;
- Закон КНР «О товарных знаках»;
- Закон КНР «Об авторском праве»;
- Закон КНР «О противодействии недобросовестной конкуренции»;
- иные нормативно-правовые акты КНР в области развития и защиты авторских прав, подзаконного характера.

Тематика становления и развития авторского права в Китае за последние сто пятьдесят лет сделало «гигантский рывок вперед», позволив стать этой стране одной из наиболее

развитых мировых держав современного мира.

Как и в любом ином вопросе, в том числе и в проблематике дальнейшего становления авторского права в Китайской Народной Республике имеют место проблемы самого разного содержания и наполнения, что является нормальным естественным процессом, который говорит о том, что даже самая передовая правовая наука никогда не будет успевать за развитием общегосударственных вопросов, тем более в области защиты авторского права как такового.

Современная Китайская Народная Республика представляет собой яркий пример, как в одной стране могут ужиться отдельные элементы плановой и рыночных экономик. В рассматриваемом случае именно авторское и патентное право КНР показали себя исключительно с положительной стороны, позволив превратиться этой стране в сильного международного игрока, который сегодня занимает более десяти процентов от всей общемировой экономики.

Правительство Китайской Народной Республики создало специальную систему административных органов, которая занимается исключительно проблемами в области промышленности, торговли и авторского права в вопросах недопущения неконкурентных способов ведения той или иной экономической деятельности. Именно в патентном и авторском законах Китайской Народной Республики, сегодня закреплён категорический запрет на нарушение указанных выше прав не только обычным способом, но и всеми иными косвенными манипуляциями, что уже само по

себе является смелым общегосударственным решением.

В современной Китайской Народной Республике имеет место двухуровневая система защиты авторских и патентных прав, состоящая из:

— специальным образом уполномоченных административных органов по всей вертикали власти КНР;

— судебный порядок защиты.

Становление и развитие авторского права в Китайской Народной Республике, носит системный и упорядоченный характер, отдельные элементы которого можно применять как в Российской Федерации, так и в иных странах современного мира, поскольку более чем за сто пятьдесят лет Китай совершил значительный экономический рывок, во многом

благодаря именно правильному и своевременному развитию авторского и патентного права, что позволило привлечь значительное число иностранных инвестиций долгосрочного порядка.

В качестве итогового предложения по тематике становления и развития авторского права на примере Китая можно выделить необходимость развития вопросов следующего содержания:

— применение передовых методов и наработок в области авторского права на примере Китая;

— использование практического опыта по созданию системы патентного и авторского права в той или иной стране современного мира.

Примечания

1. Официальный сайт ВОИС. URL: <https://www.wipo.int> (дата обращения: 20.02.2021).

2. Молотников А., Шань В. Правовые основы бизнеса в Китае. М., 2018. 572 с.

3. Подчернин В. М. Историко-правовые аспекты формирования культуры интеллектуальной собственности Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 4. С. 57–63.

4. Hongsong S. Patent Law and Protection of Traditional Knowledge: A Chinese Perspective // China Patents & Trademarks. 2005. N 2. Pp. 49–56.

5. Еременко В. И. Охрана промышленной собственности в Китайской Народной Республике. М., 2004. 94 с.

Notes (transliteration)

1. URL: <https://www.wipo.int> (date of application: 20.02.2021).

2. Molotnikov A., Shan' V. *Pravovyye osnovy biznesa v Kitaye*. Moscow, 2018, 572 p. (in Russ.).

3. Podchernin V. M. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2008, vol. 7, no. 4, pp. 57–63 (in Russ.).

4. Hongsong S. Patent Law and Protection of Traditional Knowledge: A Chinese Perspective. *China Patents & Trademarks*, 2005, no. 2, pp. 49–56.

5. Eremenko V. I. *Okhrana promyshlennoy sobstvennosti v Kitayskoy Narodnoy Respublike*. Moscow, 2004, 94 p. (in Russ.).

Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в НПЖ Диалог

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике журнала.

2. Представляемая рукопись статьи должна содержать:

— универсальный десятичный код (УДК);

— сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, должность, место работы, ученая степень, ученое звание, рабочий адрес, адрес электронной почты, контактные телефоны и домашний адрес для отправки авторского экземпляра журнала);

— название статьи на русском и английском языках;

— аннотацию на русском и английском языках;

— ключевые слова на русском и английском языках;

— список библиографических ссылок на русском языке (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.05 — 2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках, использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом не более 12 машинописных страниц направляется в редакцию либо в распечатанном варианте — на почтовый адрес редакции, либо в электронном — на ***avtor@npzhdialog.ru***

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman; размер шрифта — 14; интервал — 1,5. Поля — по 2 см. с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

6. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

7. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати.

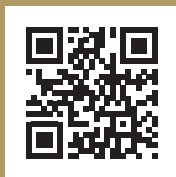
8. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет».

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес редакции:

602264, Россия, Владимирская обл., г. Муром, Карачаровское шоссе, д. 7

Тел.: 8 (49234) 77-2-44, E-mail: ***info@npzhdialog.ru***

N 1 Март 2021